

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Коржова Инесса Николаевна

**Поэзия К. М. Симонова
как художественная система**

Специальность 5.9.1 – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2023

Диссертация подготовлена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный консультант

Леденёв Александр Владимирович,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты

Алексеева Любовь Федоровна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской литературы XX
века факультета Русской филологии Историко-
филологического института ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»

Бит-Юнан Юрий Геваргисович

доктор филологических наук,
профессор кафедры литературной критики
факультета журналистики Института
массмедиа и рекламы ФГБОУ ВО «Российский
государственный гуманитарный университет»

Соколов Борис Вадимович

доктор филологических наук,
член Международного совета научных
проектов и издательских программ
Ассоциации исследователей российского
общества «АИРО-XXI»

Защита диссертации состоится «07» июня 2023 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.2/2484>

Автореферат разослан « _ » _____ 2023 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О. С. Октябрьская

«Пришедший вовремя», по меткому определению Л.А. Аннинского¹, К.М. Симонов в поэзии обратился к большинству актуальных тем второй половины 1930-х – середины 1950-х гг., его любовная лирика, как считает М.О. Чудакова, «обозначила первую попытку литературной оттепели»², а трилогия «Живые и мертвые» не может быть обойдена при изучении темы эпического осмысления войны. Но рассмотрение творчества Симонова только в масштабах литературного процесса 1930 – 1970-х гг. оставляет в тени его становление как поэта, сложное переплетение в его поэзии неоромантических импульсов со стремлением к постижению своего времени. Наконец, литературная репутация поэта, занимавшего ключевые посты в Союзе советских писателей и по долгу службы являвшегося блюстителем норм соцреализма, мешает объективному постижению генезиса и ряда особенностей стихотворного творчества Симонова, в частности мифопоэтических основ его лирики.

Некоторым препятствием к изучению поэзии Симонова как целостности стало ослабление его интереса к стихотворчеству в последние двадцать пять лет жизни. Но изначально он осознает себя как поэт, заканчивает Литературный институт по отделению поэзии и добивается читательского признания в качестве поэта. Писать стихи он не прекращает до конца жизни.

Большинство суждений, высказанных самим Симоновым в первые двадцать лет творчества, убеждает в наличии у него сложившейся системы взглядов на природу лирики, воплощением которых стали его произведения. Лирика осознавалась им как глубоко специфичный род литературы, связанный с автопсихологизмом и невозможностью типизации («Заметки о поэзии»³). В печатных дебатах⁴ перед II съездом Союза писателей Симонов в ответ на требования эпизации поэзии напоминал, что личность присутствует в поэзии всегда, она неустранима из лирики, но не как сторонний предмет изображения,

---

¹ Аннинский Л. Константин Симонов «Я пришел вовремя» // Аннинский Л. Красный век. Эпоха и ее поэты. Т. 2. М.: ПРОЗАИК. 2009. С. 199–218.

² Чудакова М.О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. 2002. № 6 (58). С. 258.

³ Симонов К. Заметки о поэзии // Литературная газета. 1939 №. 72. С. 3.

⁴ Симонов К. Литература и читатель // Симонов К. На литературные темы. Статьи. 1937–1955. М.: Гослитиздат, 1956. С. 95–105.

а как самораскрывающийся субъект. Личность автора, не подменяющего свое присутствие набором эпических зарисовок, становится основой его лирической системы.

Вторым неизменным положением Симонова-критика оказывается заострение внимания на сложном и драматичном в жизни. Так, он беспощадно критикует ранние стихи Е. Долматовского за «телячий оптимизм», приветствует «Твою поэму» С. Кирсанова, вступает за М. Алигер⁵, обвиненную в пессимизме. Жизнь в ее тяжелых коллизиях, глубинных личных переживаниях понимается им как достойный материал искусства.

Активное постижение системности в литературе пришло в филологию через труды лингвистов и в дальнейшем развивалось в работах формальной школы и структурализма. Идею взаимной соотнесенности в произведении нескольких рядов элементов выдвигал в работе «О литературной эволюции» Ю.Н. Тынянов⁶. Он активно обращался к предложенному Б.М. Эйхенбаумом понятию «доминанта», постулируя неравноценность различных рядов. Обосновывая понятие «теснота стихового ряда»⁷, Тынянов продемонстрировал обогащение семантических характеристик слова при вхождении в системные отношения стиха. Б.В. Томашевский в работе «Сюжетное построение» видел залог единства произведения в системности мотивов⁸.

Структурализм постулировал системность литературы самим определением искусства как вторичной моделирующей системы. Уровни произведения как системы описаны в работе «Структура художественного текста» Ю.М. Лотманом⁹. В рамках структурализма возникли впечатляющие практики целостного описания корпуса тестов на основании связей элементов только одного уровня – уровня мотивов¹⁰.

---

⁵ Симонов К. Школа мужества // Литературная газета. 1938. № 59. С. 5; Симонов К. Настоящее начало // Литературная газета. 1938. 15 марта. С. 3; Симонов К.М. Открытое письмо критику С. Трегубу // Новый мир. 1947. № 1. С. 164–170.

⁶ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227–252.

⁷ Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. С. 39.

⁸ Томашевский Б.В. Сюжетное построение // Хрестоматия по теоретическому литературоведению / Подгот. И. Чернов. Тарту: Тартус. гос. ун-т. 1976. С. 172.

⁹ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 119.

¹⁰ Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX в. М.: Наука, 1993. 303 с.; Ханзен-

К системному рассмотрению произведения призывал Б.О. Корман¹¹. Интегрирующим компонентом творчества поэта он считал авторское сознание, выраженное в любой из многообразных форм.

Вторая линия исследований, использующих понятие «система», связана с официальным советским литературоведением. Г.Н. Поспелов в работе «Целостно-системное понимание литературных произведений»¹² предложил четкое уровневое деление как содержательной, так и формальной стороны произведения. Его классификация была развита В.Е. Хализевым, который выделял такие структуры, как художественный мир, художественная речь и композиция¹³. И.Н. Сухих расширяет учение об уровнях, разграничивая горизонтальные и вертикальные (не имеющие своего языка и оперирующие элементами горизонтальных уровней) структуры¹⁴. Исследователь прямо соотносит свой подход с идеями автора «Общей теории систем» Л. фон Берталанфи.

Системный подход был предложен Л. фон Берталанфи в 1940-е гг., в отечественной философии получил развитие в работах В. Лефевра и В.Н. Садовского¹⁵, выделивших такие признаки системы, как наличие уровней, их иерархичность, обретение системой свойств, не сводимых к сумме свойств элементов и др. Новый виток применению системного подхода дало развитие синергетики.

Опираясь на названные общепhilософские направления, В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман и З.И. Кирнозе предложили модель литературы как системы, состоящей из обязательных (автор – произведение – читатель) и вспомогательных (традиция и реальность) компонентов¹⁶. В соответствии

Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Акад. проект, 1999. 506 с.; *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб.: Акад. проект, 2003. 813 с.

¹¹ *Корман Б.О.* Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.

¹² *Поспелов Г.Н.* Вопросы методологии и поэтики. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. 336 с.

¹³ *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004. С. 181.

¹⁴ *Сухих И.* Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб.: Азбука, 2016. С. 242.

¹⁵ *Берталанфи Л. фон* Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54; *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 276 с.; *Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. 495 с.

¹⁶ *Зинченко В.Г., Зусман В.Г. и Кирнозе З.И.* Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический

с принципом иерархичности каждый компонент может быть рассмотрен как система и исследован с помощью традиционных методов литературоведения.

Системный подход наиболее последовательно реализуется при изучении циклов и других текстовых ансамблей В.А. Сапоговым, И.В. Фоменко, М.Н. Дарвином¹⁷. Последний определяет цикл как особую форму литературного контекста, обладающего «преображающей силой».

Исходя из изложенного творчество конкретного автора, понимаемое как система, мы определяем как сложноорганизованное иерархическое единство произведений, создающее обогащающий контекст, обусловленное индивидуальностью писателя, спецификой его мироотношения и эстетики, обеспеченное наличием устойчивых доминант содержательного и формального уровней, создающее в итоге целостный художественный мир.

Цельность личности, к выражению которой, как явствует из эстетических суждений Симонова, он стремился в стихах, обуславливает единство его поэзии: в ней сказывается система убеждений поэта, своеобразие его темперамента, даже неартикулированные им самим особенности мироотношения. Сказанное позволяет подойти к стихотворному наследию К.М. Симонова как к системе.

Степень научной разработанности темы. Поэзия Симонова не была изучена в системной целостности. Однако в исследованиях критиков и литературоведов осмыслены многие, в большей степени идейные, нежели формальные, доминанты его художественной системы.

Уже первые критики: О. Мошенский, И. Гринберг, З. Кедрин¹⁸ – указывали, что в ранних стихах Симонова отражен единый тип личности – героической, устремленной вперед, отождествляющей жизнь и борьбу. Т. Хмельницкая выдвинула слово «мужество» для обозначения ведущей

подход. М.: Флинта, Наука, 2011. С. 19–36.

¹⁷ Сапогов В.А. Поэтика лирического цикла А. Блока: дис.... канд. филол.: 10.00.00. М., 1967. 206 с.; Фоменко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1990. 31 с.; Дарвин М.Н. Поэтический мир лирического цикла: автор и текст. М.: РГГУ, 2018. 288 с.

¹⁸ Мошенский О. Поэма о полководце // Молодая гвардия. 1939. № 9. С. 159–161; Гринберг И. Стихи Константина Симонова // Литературный критик, 1940. № 11–12. С. 228–246; Кедрин З. Испытание характера // Октябрь. 1942. № 5–6. С. 138–143.

ценности поэта¹⁹. Позже Т. Бек увидит в поэзии Симонова единство, обеспеченное лирическим героем – «натуры бескомпромиссной и цельной – в бою ли, в дружбе ли, в страсти»²⁰.

Т. Хмельницкая определяет ключевое качество художественного мышления Симонова – логичность – и указывает на тяготение поэта к повествовательности. Т. Хмельницкая, И. Гринберг, позже К. Зеленский²¹, затем М.О. Чудакова видели в логичности и точности стихов Симонова опасность утраты собственно поэтического начала. Перенасыщенность поэзии Симонова прозаическими деталями отмечали Н. Жданов и Н. Бакинский²².

В поэмах Симонова о любви (особенно в «Пяти страницах») критики В. Александров, И. Андреев, С. Хитарова, Т. Смолянская²³ увидели пережиток прошлого – взгляд на любовь как фатальное начало. Цикл «С тобой и без тебя» парадоксально почти не был осмыслен как целостность: В. Александров, С. Трегуб, Е. Трощенко²⁴ выделяли в нем стихи общенародные и сугубо личные, осуждая последние за мещанский индивидуализм. Этого недостатка удалось избежать З. Кедриной.

Критиками-современниками определен круг авторитетных для Симонова поэтов. Т. Хмельницкая указывала на его попытки освоить спонтанность манеры Пастернака. Позднее влияние Пастернака на предвоенную поэзию Симонова отмечали Т. Бек, М. Чудакова. О блоковском генезисе женского образа в цикле «С тобой и без тебя» писали В. Александров, С. Трегуб, Л. Лазарев и М. Чудакова.

Отклики на послевоенные книги стихов Симонова лишены непредвзятости

---

¹⁹ Хмельницкая Т. Твёрдые строки (Поэзия Симонова) // Литературный современник. 1940. № 2. С. 131–137.

²⁰ Бек Т.А. О поэзии Константина Симонова // Симонов К.М. Стихотворения. Поэмы. М.: Советская Россия, 1985. С. 11.

²¹ Зеленский К. О лирике // Знамя. 1946. № 8–9. С. 179–199.

²² Жданов Н. Заметки о современной поэзии // Звезда. 1940. № 2. С. 146–153; Бакинский В. О поэзии и стихотворстве // Звезда. 1940. № 3–4. С. 224–229.

²³ Александров В. Заметки о стихах (вместо обзора) // Литературное обозрение. 1940. № 24. С. 3–15; Андреев Ив. «Дорожные стихи» // Литературное обозрение. 1939. № 23. С. 26–28; Хитарова С., Смолянская Т. О любви и дружбе // Комсомольская правда. 1939. 20 августа. С. 7.

²⁴ Александров В. Письма в Москву (К. Симонов: «С тобой и без тебя» и «Стихи 1941 г.») // Знамя. 1943. № 1. С. 149–160; Трегуб С. «Лирический дневник» К. Симонова // Литература и искусство. 1942. 4 июля. С. 2; Трощенко Е. Поэзия поколения, созревшего на войне // Новый мир. 1943. № 7–8. С. 124–135.

суждений первых рецензентов. Политические по преимуществу сборники «Друзья и враги», «Стихи 1954 г.» хвалили за правильную идеологическую позицию, масштабность, продуктивное развитие традиций Маяковского, исследованных С. Трегубом и Д. Молдавским²⁵.

Большинство диссертаций и монографий, посвященных Симонову, было создано в период, когда творческий путь писателя еще не был завершен. Диссертации А.А. Новиковой, А.М. Саббатовской и Е.Г. Колпаковой²⁶, защищенные в начале 1950-х, демонстрируют общность подходов: в центре исследований – становление героя, при характеристике творчества Симонова военной поры внимание смещается на публицистику и драматургию. На этом фоне выделяется диссертация Л.И. Шинделя²⁷. Раннюю поэзию Симонова он представляет как условную борьбу традиций Маяковского и Багрицкого, в лучших стихотворениях военных лет видит влияние фольклора. В работах сохранялось неприятие поэм Симонова о любви и разъятие цикла «С тобой и без тебя» на «правильные» и «неправильные» для советского автора произведения.

Авторы монографий также избрали хронологический принцип рассмотрения материала, и послевоенная поэзия Симонова была заслонена в их работах прозой. Г. Белая²⁸ (в монографической главе о Симонове) и И.Л. Вишневская²⁹ утверждают единство образов автора и героя. И.Л. Вишневская исследует специфические симоновские темы оправданного стремления к славе, единства живых и мертвых, памяти о войне как нравственного мерила личности. С.Я. Фрадкина находит универсальную формулу поэзии автора: «в лучших лирических стихотворениях Симонова переживания и события одинаково воздействуют на нас»³⁰, неудачами

---

²⁵ Трегуб С. Школа Маяковского // Трегуб С. Живой с живыми. М.: Советский писатель, 1949. С. 253–362; Молдавский Д. О новых стихах Константина Симонова // Звезда. 1954. № 9. С. 177–182.

²⁶ Новикова А.А. Творчество К. Симонова: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00. М., 1950. 525 с.; Саббатовская А.М. Творчество К. М. Симонова периода Великой Отечественной войны: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1954. 354 с.; Колпакова Е.Г. Творчество К. М. Симонова довоенного времени и периода Великой Отечественной войны (1936–1945 годы): дис. ... кан. филол. наук. Л., 1954. 556 с.

²⁷ Шиндель Л.И. Творчество К. Симонова (1934–1945 гг.): дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 506 с.

²⁸ Белая Г. К.М. Симонов // История русской советской литературы. Т 4. 348–364.

²⁹ Вишневская И.Л. Константин Симонов. Очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1966. 184 с.

³⁰ Фрадкина С.Я. Творчество Константина Симонова. М.: Наука, 1968. С. 79.

признаются крайности: поглощенность фактами или риторика. Л.А. Финк тоже видит антиномичность симоновского письма, «основанного на слитности внешне противоречивых стилистических признаков: агитационности и задушевности, традиционных ритмов и неожиданного вторжения прозаизмов»³¹. Работу А.В. Караганова³² отличает стремление опереться на эстетические приоритеты самого автора. Таковыми являются отстаиваемый поэтом психологизм и субъективное начало в лирике.

Л.И. Лазарев³³ и З.Я. Паперный³⁴, помимо демонстрации широких литературных истоков творчества поэта, указывают на такую черту, как связь с жизненным материалом, отсутствие пафосности. М.М. Голубков³⁵ и Л.А. Трубина³⁶ подчеркивают национальное начало поэзии Симонова.

В постсоветской России интерес к Симонову надолго ослабевает и в 1990-х сводится к работам, пересматривающим литературную репутацию автора. Поворотом к научному изучению поэзии Симонова стала статья М.О. Чудаковой, где военная лирика Симонова была охарактеризована как уникальный прорыв к субъективности. Л. Аннинский³⁷ отмечал в поэзии Симонова сравнительно редкое обращение к идеологемам, а наибольшие удачи поэта связывал с экстремальным характером реальности в военную пору. Смерть и ее преодоление как ключевую тему поэта исследовал М.Н. Липовецкий³⁸.

В 2008 г. была защищена диссертация И.Ф. Герасимовой³⁹ – единственная в постсоветское время, посвященная поэзии Симонова. В работе на широком

---

³¹ Финк Л.А. Константин Симонов. Творческий путь. М.: Сов. писатель, 1979. С. 101.

³² Караганов А.В. Константин Симонов – вблизи и на расстоянии. М.: Сов. писатель, 1987. 281 с.

³³ Лазарев Л.И. Поэзия Константина Симонова // Симонов К. Стихотворения и поэмы. Л., 1982. С. 5–59; Лазарев Л.И. Константин Симонов. Очерк жизни и творчества. М.: Худож., 1985. 343 с.

³⁴ Паперный З.С. Стих и судьба (Константин Симонов) // Паперный З.С. Единое слово. М.: Сов. писатель, 1983. С. 151–173.

³⁵ Голубков М.М. Гражданин своего времени. Лирика К. Симонова военных лет // Литература в школе. 1985. № 6. С. 12–15.

³⁶ Трубина Л.А. «Война – это горькая штука...»: военная тема в творчестве Константина Михайловича Симонова // Литература в школе. 2010. №4. С. 2–7.

³⁷ Аннинский Л. Константин Симонов «Я пришел вовремя» // Красный век. Эпоха и ее поэты. Т. 2. М.: ПРОЗАИК. 2009. С. 199–218.

³⁸ Липовецкий М.Н. Военная поэзия Константина Симонова // Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950-х годов. Т. 2 / под ред. Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого и М.А. Литовской. М.: Академия, 2014. С. 446–453.

³⁹ Герасимова И.Ф. Человек и время: поэзия К.М. Симонова периода Великой Отечественной войны в контексте литературной эпохи: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2008. 189 с.

литературном материале делается вывод о создании в годы войны особых жанровых разновидностей стихотворений, в частности фронтовой баллады. Впервые целостно исследован цикл «Из дневника».

Цикл «С тобой и без тебя» К. Симонова парадоксально остается слабо изученным. Концепции любви в лирике Симонова посвящены статьи Е.А. Поповой, Н.Е. Таркан, И.Ф. Герасимовой⁴⁰, но авторы идут по пути перечисления видов любви, не выходя на целостное осмысление цикла.

Продолжено изучение поэтической генеалогии писателя. Схождение с поэзией Н.А. Некрасова, преимущественно типологическое, изучено Е.В. Сомовой, Н.В. Свитенко⁴¹. Воплощение образа Родины у Есенина и Симонова исследовано И.Ф. Герасимовой⁴². Работа В.В. Ильина⁴³ посвящена взаимоотношениям Твардовского и Симонова.

Кипплинговская традиция в осмыслении Симоновым темы мужества указана уже первыми критиками. О ней писали С.Я. Фрадкина, Т. Бек, Н. Иванова, А.В. Леденёв, М.О. Чудакова, И.В. Кукулин, Л.А. Трубина, В. Бетаки, К.С. Соколов, И.П. Мардынский⁴⁴. Указания на поэзию Гумилева как на источник темы мужества содержатся в работах Н. Ивановой, М.О. Чудаковой,

---

⁴⁰ *Попова Е.А.* «Одною силою любви...» О любовной лирике К. Симонова // *Русская речь*. 2006. № 3. С. 33–44.; *Таркан Е.Н.* Концепция любви в поэтическом цикле К. Симонова «С тобой и без тебя» // *Раманаўскія чытанні - XI. зборнік артыкулаў міжнароднай навуковай канферэнцыі*. 2016. С. 214–216; *Герасимова И.Ф.* Структура мотивного комплекса в любовной лирике Константина Симонова // *Культура и образование*. 2016. № 2. С. 75–82.

⁴¹ *Сомова Е.В., Свитенко Н.В.* Служа великим целям века (К.М. Симонов и Н.А. Некрасов) // Юбилейное: Вопросы истории, поэтики и интерпретации русской литературы. Краснодар: Юг, 2015. С. 169–193.

⁴² *Герасимова И.Ф.* Мотив духовного выбора в стихотворениях С. Есенина и К. Симонова (филологический комментарий для учителя) // *Современное есениноведение*. 2006, № 4. С. 206–210.

⁴³ *Ильин В.В.* Друзья или соперники? Твардовский и Симонов (опыт сравнительно-типологического анализа творчества) // *А.Т. Твардовский: исследования и материалы*. Смоленск: СмолГУ, 2015. Вып. 2. С. 78–94.

⁴⁴ *Фрадкина С. Я.* Творчество Константина Симонова. М.: Наука, 1968. 207 с.; *Бек Т.А.* О поэзии Константина Симонова // *Симонов К.М. Стихотворения. Поэмы*. М.: Советская Россия, 1985. 5–13; *Иванова Н.* Константин Симонов глазами человека моего поколения // *Знамя*. 1999. № 7. 192–207; *Леденёв А.В., Леденёва Т.В.* Сравнительное изучение русской и англоязычной литературы. 11 класс. М.: Дрофа, 2006. 222 с.; *Чудакова М.О.* «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // *НЛО*. 2002. № 58. С. 223–259; *Кукулин И.* Лирика советской субъективности: 1930–1941 // *Филологический класс*. 2014. № 1 (35). С. 7–19; *Трубина, Л.А.* «Война - это горькая штука...»: военная тема в творчестве Константина Михайловича Симонова // *Литература в школе*. 2010. №4. С. 2–7; *Бетаки В.* Редьярд Киплинг и русская поэзия XX века // *Киплинг Р. Избранные стихи из всех книг*. Б.м.: Salamandra P. V. V. 2011. С. 256–306; *Соколов К.С.* Герой азиатского фронта в советской поэзии конца 20–30-х годов // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 123–130; *Мардынский И.П.* Традиции Р. Киплинга в советской журналистике 1920–1930-х гг. // *Вопросы лингвистики и литературоведения*. 2009. № 4. С. 95.

И.В. Кукулина, К. Ичин и М. Йованович⁴⁵. Однако большинство суждений о поэтических традициях у Симонова ограничено указанием имен без исследования претекстов и аспектов преемственности.

Лишь заявляет о себе необыкновенно продуктивный в отношении Симонова подход – рассмотрение его творчества в рамках этно- и мифопоэтики (работы Д.В. Абашевой, И.С. Урюпина⁴⁶).

Стилистика и природа стиха Симонова целенаправленно не были изучены. Однако М.Л. Гаспаров неоднократно обращается к произведениям Симонова в «Очерках истории русского стиха»⁴⁷. Ю.Б. Орлицкий⁴⁸ исследует обращение позднего Симонова к верлибру, Д.А. Романов⁴⁹ сосредоточен на способах варьирования поэтом трехстопного амфибрахия.

Попытки исследовать поэзию Симонова методами лингвистики часто имеют ученический характер и не содержат нового знания. Ценны замечания Г.И. Демидовой и Н.Д. Стрельниковой⁵⁰ о грамматике стихотворений Симонова. Накоплены значимые суждения, связанные с отдельными произведениями Симонова-поэта.

Таким образом, на сегодняшний день установлены основные ценностные константы творчества писателя. Мужество, долг, героика повседневности, без сомнений, венчают аксиологическую систему автора и его героев. Определен характер любовной лирики как внутренне конфликтной, полной сложных психологических коллизий. Идиостиль Симонова и глубинные, мифопоэтические основы его художественного мира остаются практически

---

⁴⁵ Ичин К., Йованович М. «Лили Марлен» Х. Лейпа и «Жди Меня» К. Симонова: опыт сближения с первого взгляда несближаемого // Wiener Slawistischer Almanach. 2000. Bd. 45. S. 135–149.

⁴⁶ Абашева Д.В. Константы народного сознания в поэме К.М. Симонова «Сын артиллериста» // Литература в школе. 2016. № 5. С. 5–7; Урюпин И.С. Мотив крови в поэзии П.Г. Антокольского и К.М. Симонова периода Великой Отечественной войны // Правда о войне в художественных интерпретациях. К юбилею Победы: материалы XXV Шешуковских чтений. М.: МПГУ, 2021. С. 16–23.

⁴⁷ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 351 с.

⁴⁸ Орлицкий Ю.Б. Верлибр фронтового поколения // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: литература и история. М.: ИМЛИ, 2020. С. 129–155.

⁴⁹ Романов Д.А. Любовь и мужество: лингвопоэтическая интерпретация одного стихотворения К. Симонова // Ради жизни на земле. Материалы II региональной научно-практической конференции. Тула. 2020. С. 40–43.

⁵⁰ Демидова Г.И. «Ты» и «Вы» в лирике Константина Симонова // 60-летию Великой победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. посвящается. СПб.: Нестор, 2005. С. 67–73; Стрельникова К.М. Симонов, «Жди меня» // В мире русской поэзии: Учебное пособие по обучению анализу русского поэтического текста: В 2 ч. Ч. II. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 118–124.

неисследованными.

Между тем «я» поэта включало в себя архетипические, присущие мифологическому мышлению пласты, которые обнажились в ситуациях психологически исключительных, вызванных личными и общественными испытаниями. Часто эти пласты национально специфичны. Необходимостью осмысления советской литературы в целом и поэзии Симонова в частности как феномена, имеющего органические связи с предшествующей литературой и культурой, обусловлена **актуальность** исследования.

Новизна диссертационной работы связана с тем, что впервые поэзия Симонова исследуется как система, прослеживается ее генезис. Также работа сфокусирована на раскрытии основ поэтики Симонова, специфике его художественного языка, которые до настоящего времени не становились объектом специального исследования.

Цель работы – выявить системообразующие доминанты поэзии К.М. Симонова – диктует необходимость решения следующих **задач**:

- выявить традиции русской поэзии первой трети XX века, определившие формирование поэтической системы Симонова;
- исследовать проявление в мирообразе поэта народных, мифогенных по своей природе, представлений;
- установить ключевые лейтмотивы поэзии Симонова в их системных связях с базовыми компонентами внутреннего мира произведения (образами пространства, времени, человека);
- исследовать ведущие черты художественного стиля Симонова;
- продемонстрировать иерархичность и взаимосвязь элементов поэтической системы Симонова;
- рассмотреть основные наджанровые объединения в творчестве поэта, установить принципы циклизации ключевых для автора текстовых ансамблей.

Объект исследования – поэзия К.М. Симонова, рассмотренная в ее целостности.

Предмет исследования – определяющие поэтическую систему Симонова

генетические, циклизующие, мифопоэтические, мотивные и стилистические элементы в их взаимосвязях.

Материал исследования. В работе привлечен максимально полный корпус оригинальных стихотворных произведений К.М. Симонова. Требовательный к себе, поэт оставил в Собрании сочинений (1979 г.) лишь 175 стихотворений и 10 поэм. Они образуют ядро поэтической системы автора. В исследовании широко привлекаются произведения, публиковавшиеся при жизни автора (часто однократно), но не вошедшие в итоговое собрание – чуть более 100 стихотворений и 6 поэм.

В работе исследован архивный материал, хранящий не только варианты изданных произведений, но и отдельные выстроенные автором неопубликованные книги стихов – «Стихи. Книга первая (увы, ненапечатанная)»⁵¹, «Стихи. 1935 г.»⁵² и книга поздних, в большинстве своем юмористических миниатюр «Тарарамм-балалам поэзия»⁵³. Архивный материал содержит еще около 150 стихотворений и 2 поэмы. За возможность работы с фондом К.М. Симонова в РГАЛИ автор выражает благодарность семье писателя и лично Е.К. Симоновой-Гудзенко.

Произведения драматургии и эпоса Симонова, а равно его публицистика и воспоминания привлекаются фрагментарно.

Теоретическая значимость: в работе предложено определение творчества писателя как поэтической системы. Исследование позволяет расширить представление о жанровых модификациях поэтических циклов. В диссертации рассмотрены такие формы композиции стихотворения, как период и сверхпериод. Выявлены промежуточные формы между омонимической и тавтологической рифмой.

Практическая значимость работы: основные положения работы могут быть использованы при создании курсов истории русской поэзии XX века, углубленном изучении литературы периода Великой Отечественной войны.

---

⁵¹ РГАЛИ. Фонд 1814. Оп. 10. Ед. хр. 39.

⁵² РГАЛИ. Фонд 1814. Оп. 1. Ед. хр. 70.

⁵³ РГАЛИ. Фонд 1814. Оп. 10. Ед. хр. 58.

Методология исследования: ключевым в работе стал общефилософский системный подход к объекту исследования, разработанный Л. фон Берталанфи и развитый В. Лефевром, В.Н. Садовским. Подход не противоречит использованию методов частных наук. В работе применены системный, сравнительно-сопоставительный, культурологический, герменевтический подходы к анализу произведений. Системное изучение творчества Симонова опирается на труды Ю.Н. Тынянова, Р.О. Якобсона, Б.О. Кормана, Ю.М. Лотмана, В.Е. Хализева, В.Г. Зинченко.

При рассмотрении лирического цикла как яркого воплощения принципа системности в литературе мы опирались на идеи Е.Г. Эткинда, В.А. Сапогова, И.В. Фоменко, М.Н. Дарвина.

Исследование художественного мира Симонова основывается на понятии «внутренний мир художественного произведения», предложенном Д.С. Лихачёвым. Изучение мифопоэтического пласта поэзии Симонова базируется на положениях отечественных и зарубежных культурологов, представителей структурного и мифологического направлений: Дж. Фрейзера, К. Леви-Стросса, М. Элиаде, В.В. Иванова, Е.М. Мелетинского, фольклористов А.Н. Афанасьева, А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, этнолингвистов, объединенных вокруг Н.И. и С.М. Толстых и С.З. Агранович.

При изучении поэтики Симонова мы опирались на работы по стиховедению М.Л. Гаспарова, В.М. Жирмунского, Б.В. Томашевского, исследования поэтической грамматики Р.О. Якобсона, Ю.Н. Тынянова, Б.Н. Эйхенбаума, И.И. Ковтуновой.

Степень достоверности положений и выводов диссертационного исследования обеспечена системным анализом большого корпуса текстов, в том числе архивных материалов, совокупностью различных методов изучения творческого наследия Симонова.

Положения, выносимые на защиту:

1. Поэзия К.М. Симонова представляет собой художественную систему, фундаментом которой служит мироотношение, опирающееся на ценности

мужества, чести, долга, товарищества и менее артикулированные представления о доле/судьбе, бессмертии, человеческой дуальности, отразившие народные воззрения.

2. Творческую эволюцию К.М. Симонова определяет вектор движения от неоромантизма к реализму. На этом пути писатель опирается на традиции поэтов первой трети XX века. В поиске героя он учитывает открытия С.А. Есенина, ориентируется на неоромантические произведения Н.С. Гумилева, Э.Г. Багрицкого, В.А. Луговского. Задача конкретизации идеала, изображения героики повседневности решается с опорой на поэзию Р. Киплинга, Б.Л. Пастернака, Н.С. Тихонова. Воссоздавая конфликтные любовные отношения, он развивает традиции Н.С. Тихонова, Н.С. Гумилева, А.А. Блока, однако без мистических устремлений последнего. При создании политической и сатирической поэзии Симонов опирается на художественные открытия В.В. Маяковского.

3. Ключевой категорией пространства у Симонова выступает дом в оппозициях с дорогой и войной. Романтическое негативное восприятие дома, характерное для раннего творчества Симонова, преодолевается поэтом. Далее дом предстает как нуждающийся в защите оплот стабильных ценностей, место скрепления дружбы и приобщения к общей судьбе (дом на войне). В послевоенной поэзии появляется образ антидома – символ лицемерных отношений времен холодной войны. Оппозицию образу дома составляет категория пути как чистого движения в ранней лирике и категория войны в зрелой. При понимании войны как хронотопа, связанного с обретением опыта, образ войны мог заслонять значимость образа дома.

4. Важной категорией в поэзии Симонова является смерть. В дружеской и любовной лирике она выступает как критерий подлинности отношений. Стремление преодолеть смерть актуализирует мифологему воскресения, ключевой формой которого для поэта является продолжение в духовном наследнике. Последовательное освоение мифологемы приводит к актуализации связанного с ней феномена циклического времени, получившего амбивалентную

оценку в поэзии Симонова.

5. Базовым в любовной лирике Симонова является противопоставление духовного, дневного начала телесному, ночному. Чувственная ипостась любви осмысливается поэтом как значимая ценность, вплоть до сакрализации в отдельных произведениях, однако чаще она приведена в гармонию с духовной составляющей. Источником раздвоенности чувства выступает героиня, ее природа дуальна, она наделена inferнальными чертами и близка типу мифологических двоедушников.

6. В поэзии Симонова дружба связана с приобщением к общей доле, она определяется сходством судеб. Эта идея получает воплощение в мотиве разделения хлеба или напитка. В некоторых стихотворениях разделяются иные объекты, вплоть до абстрактного «груза опыта». Следствием акцента на общности испытаний является слабая индивидуализация образов друзей – тема дружбы у Симонова, за немногими исключениями, не связана с открытием чужого «я».

7. Системное единство творчества К.М. Симонова на уровне идиостиля определяется отсутствием интереса к яркой тропеизации. Для поэта характерно обращение к предсказуемым синтагматическим единицам (фразеологизмам, антонимам, упорядоченным повторам). Языковая игра с этими уровнями направлена на раскрытие связей явлений в афористической форме. Стремление к логичности и точности реализуется в тавтологических повторах и логически упорядоченном синтаксисе, в том числе и в синтаксическом периоде.

8. Стихотворения Симонова построены на индуктивном принципе развертывания. Поэтому ведущее место в них занимает поэтика деталей и подробностей. Предметная и сюжетная конкретика направлены преимущественно на раскрытие образа человека.

9. На протяжении всего творчества Симонов сохраняет тенденцию к объединению стихотворений в текстовые ансамбли – циклы и книги стихов. Очевидно движение от тематического принципа группировки произведений к преобладающему хронологическому (в центральном цикле «С тобой

и без тебя»). В последнем цикле «Вьетнам, зима семидесятого» организующими становятся сложные формы утверждения и расширения субъективности.

Апробация результатов исследования осуществлялась на 22 межрегиональных, российских и международных конференциях и симпозиумах: XXI и XXII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного искусствознания» (Оренбургский государственный институт культуры и искусств им. Л. и М. Ростроповичей, Оренбург, 2015, 2016 гг.); Международной научно-практической конференции «Русская словесность в современном образовательном пространстве» (Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, 2018 г.); VI и VII Международной научной конференции «Русская литература XX – XXI веков как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения)» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2018, 2020 гг.); Всероссийской научно-практической конференции Музея В.Г. Распутина «Литература о войне: эволюция смыслов и трансформация образов» (Музей В.Г. Распутина, Иркутск, 2020); Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в славянском мире: история и современность» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2020 г.); Международном научном симпозиуме «Сергей Есенин в XXI веке» (ИМЛИ, РГУ имени С.А. Есенина, Москва – Рязань, 2020 г.); Международной научно-практической конференции «Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи» IV и V Смирновских чтениях (Москва, МГОУ, 2020, 2022 г.), Международной научной конференции «Они сражались за Родину» (ИМЛИ, Литературный институт имени А.М. Горького, Москва, 2020 г.); Межрегиональной онлайн-конференции «Наследие К.М. Симонова и его роль в защите исторической правды о Великой Отечественной войне и патриотическом воспитании молодого поколения» (к 105-летию со дня рождения писателя) (РГУ им. С.А. Есенина, Рязань, 2020 г.); Летней школе для учителей русского языка и литературы (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2021 г.); Международной научной конференции «Есенин и литературный процесс первой трети XX века» (ИМЛИ,

РГУ имени С.А. Есенина, Москва – Рязань, 2021 г.); Международной научной онлайн-конференции VII Юбилейные Соколовские чтения «Жанр романа: его прошлое, настоящее и будущее в русской литературе» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2021 г.); XXV и XXVI Всероссийской научной конференции с международным участием из цикла «Феномен заглавия» (РГГУ, Москва, 2021, 2022 гг.); Международной научно-практической конференции XXVI, XXVII, XXVIII Шешуковские чтения (МПГУ, Москва, 2021, 2022, 2023 гг.); Международной научно-практической конференции «Творческое наследие Константина Паустовского в контексте истории русской литературы XX–XXI веков» (ИМЛИ, Музей К.Г. Паустовского, Москва – Таруса, 2022 г.), Международной научной конференции «Художественный мир Есенина: поэтика и контекст» (ИМЛИ, РГУ имени С.А. Есенина, Москва – Рязань, 2022 г.).

Результаты исследования отражены в 38 публикациях, 22 из которых в изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Структура диссертации: работа состоит из введения, четырех глав, заключения, двух приложений и библиографии, насчитывающей 518 позиций. Общий объем диссертации – 467 страниц. Количество томов диссертации – 2.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «**Введении**» обозначены предмет и объект изучения, обоснована актуальность исследования. Определены цели, задачи, научная новизна работы. На основе отечественной литературоведческой традиции дано определение творчества автора как художественной системы. Проанализирована степень разработанности темы диссертации, сформулированы основные положения, выносимые на защиту. Названы теоретико-методологические подходы, представлены сведения об апробации, теоретической и практической значимости, структуре диссертации.

В первой главе «**Поэзия К.М. Симонова в контексте литературных традиций**» определен круг поэтов, оказавших влияние на развитие поэтической

системы Симонова, в творчестве многих из них воплотились принципы неоромантизма. В параграфе **«Стилизация в первых стихотворных опытах К.М. Симонова»** отмечается, что стихотворения Симонова, созданные в 1930–1932 гг., не отзываются на основные тенденции советской поэзии тех лет. Начиная автор использует элементы перепева классиков XIX в., создает стилизации идиллической, романсовой лирики, хотя в финале произведений иронически дистанцируется от освоенной формы. Особенно Симонова привлекает романтический тип своевольной личности, ярко отраженной в стилизациях под фольклорные и постфольклорные жанры. Постепенно у Симонова появляются стихотворения о революционерах и героических тружениках. Совершенно особую группу составляют рефлексивные стихотворения, исследующие ощущение призрачности реальности, состояния болезни, бреда. Произведения отличает сложная тропеизация и обращение к гротеску, в них очевидно хорошее знакомство с лирикой начала XX в.

В параграфе **«Обращение к творчеству С.А. Есенина: проблема выбора героя»** установлено, что для Симонова 1932–1933 гг. объективная сложность творчества С. Есенина была заслонена феноменом есенинщины. Однако идеал ложной романтики, связывавшийся с нею, был рассмотрен молодым Симоновым как значимая творческая стратегия, в споре с ней формировалась его поэтическая уникальность. В неопубликованных стихотворениях 1932–1933 гг. «Я не герой (пародия)», «Два слова о Романтике», «Слезливый романс (Мистификация). (На мотив “Ты жива еще, моя старушка”», «Родина, или Сорок пять строк сантиментов», «Стихи об антиподе» сатирически представлен поведенческий комплекс, включающий пьяный разгул и тоскливое унынье, своеволие и сентиментальность. Текстуальные отсылки к произведениям Есенина позволяют идентифицировать источник этих мотивов. В ряде стихотворений Симонов прибегает к стилизации и воссоздает стоящий за героем Есенина национальный тип отщепенца и буяна.

В опубликованных поэмах «Возвращение» (1936–1937 гг.) и «Первая любовь» (1936–1941 гг.) Симонов уже не отождествляет наследие Есенина

и есенинщину, хотя по-прежнему воспринимает творчество предшественника в свете романтической традиции. В поэмах воплощен тип строителя новой жизни, не боящегося безбытного существования. Но одиночество вернувшегося на родину героя напоминает о романтических изгнанниках XIX в. Маленькие поэмы Есенина важны как развитие чайльд-гарольдовских мотивов в современности.

Редкий в поэзии Симонова образ матери появляется в указанных поэмах и в стихотворениях «Старушке» (1933) и «Письма с родины» (1939 г.), они ориентированы на «Письмо матери» Есенина как на источник, определяющий «иконографию» изображения матери, лексические особенности воплощения образа: «Там мать на дорогу выходит, / Подолгу дежурит сама: Все ловит она почтальона, / Все ждет – не дождется письма»⁵⁴. В военной лирике Симонова аллюзии на произведения Есенина уже редки.

В параграфе **«Творчество К.М. Симонова в поле влияния поэзии Р. Киплинга»** исследуется традиция, воздействовавшая на Симонова как напрямую, так и опосредованно (через советских неоромантиков). В книге «Глазами человека моего поколения» Симонов признавался в увлечении стихами Киплинга и Гумилева, ставя британца на первое место.

Баллады Симонова 1936 – 1941 гг. ориентированы на Киплинга только в самом общем жанровом плане. Но их сюжет не знает недоговоренностей, представлен объективно, в произведениях нет лирических перебивов и ассоциативности построения. Также Симонов практически не обращается к такой примете киплинговской манеры, как ролевая лирика.

Более сильным было влияние Киплинга на концептуальном уровне. Его жесткий кодекс полнее всего воплотился в стихотворениях-призывах, которые можно обозначить словом, вынесенным М. Лозинским в название перевода – «заповедь». В 1936 г. Симонов создает стихотворение «Семь заповедей», опирающееся на культ самообуздания, сотворения себя в испытаниях воли.

Для Киплинга значима категория долга, понятого с протестантских

---

⁵⁴ Симонов К. Письма с родины // Героическая красноармейская. 1939. 1 октября. С. 4.

позиций как предопределенность. Восприятие испытаний как бремени, мотив обреченности на подвиг невозможны у Симонова, когда он пишет о современности. Но, воссоздавая образы солдат Российской империи («Солдатский ветер» (1935 г.), фрагменты поэмы «Суворов» (1938 г.)), он обращается к этим идеям. В поэме «Далеко на Востоке» (1939–1941 гг.) также значим мотив преодоления тягот, а воссоздание перехода по раскаленной пустыне прямо отсылает к стихотворению «Пыль».

Наиболее ощутимо влияние Киплинга в ряде стихотворений из цикла «Соседям по юрте» (1939 г.) («Механик», «Орлы», «Сверчок», «Тыловой госпиталь», «Самый храбрый»), для которых характерен поиск новых стилистических форм воплощения мужества повседневности. В монгольских стихах закрепляется солдатское «мы», герой больше не является одиночкой. Лапидарный рассказ об испытаниях через динамичные ряды, не замедляющиеся на второстепенные члены и переносы, роднит Симонова с Киплингом: «Здесь жестко спать, здесь трудно жить, / Здесь можно голову сложить»⁵⁵. Симонов разделял и свойственное Киплингу стремление к демократизации языка.

Влияние Киплинга для Симонова связано с движением от неоромантизма к реализму, с заземлением образа, уплотнением атмосферы произведений.

Параграф **«Традиции Н.С. Гумилева в поэзии К.М. Симонова: мотив пути»** позволяет конкретизировать положение о преемственности Симонова по отношению к Гумилеву. Мотив ухода из дома, пребывания в пути является сюжетообразующим в стихотворении «Дорога» (1935), поэмах «Дом» (1935), «Повесть о трех братьях» (1936), «Возвращение» (1937 г.), причем для Симонова важнее «движение от», чем устремленность к конечной цели. Сюжет этих произведений близок к типу, реализованному в цикле Гумилева «Возвращение Одиссея», где остановка в Итаке осмысливается как временная. В записях 1935 г. Симонов признается, что его любимым героем стал Одиссей.

В отличие от Гумилева, путь у которого полон экзотических подробностей,

---

⁵⁵ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, произведения К.М. Симонова цитируются по изданию: Симонов К.М. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. 623 с.

Симонова интересует путь как чистое движение. На его героях, особенно в поэме «Дом», лежит проклятье скитальчества, реализованное у Гумилева в «Капитанах». В «Повести о трех братьях» Симонов стремится уйти от безыдейного героя и рядом с фигурой старшего брата, романтического путешественника (в черновиках указано, что он мечтал быть «конквистадором»), создает образ младшего – революционера. Однако герои почти дублируют друг друга. Сама смерть старшего брата становится его последним путешествием. Мотив продолжения пути за гранью земного бытия характерен и для Гумилева («После победы», «В пути», «Завещание»).

Своей первой удачей Симонов считал стихотворение «Генерал» (1937 г.), структурно близки к нему «Изгнанник» (1939 г.) и «Старик» (1939 г.). В каждом момент гибели героя скрыт: стремящийся к цели, он словно не замечает собственной смерти, что роднит его с героями стихотворений Гумилева «Орел», «Путешествие в Китай», «Паломник». В стихотворении «Старик» введен новый мотив – трагедии завершения странствий. Опустошенность после совершенного деяния изображена Гумилевым в последней части цикла «Открытие Америки».

В поэзии военных лет путь у Симонова отмечен ценностными векторами «на Восток» и «на Запад» (чего нет в военной лирике Гумилева). Наличие цели не дает рассматривать описываемый путь как скитальчество.

В параграфе **«Поэзия Симонова в свете тенденций советского неоромантизма 1920–1930 гг.»** рассмотрены нити преемственности, связывающие Симонова с рядом старших современников.

Первым по времени проявляется влияние Э. Багрицкого. Положительный полюс романтического мира редко выстраивается Симоновым по образцу предшественника: не чувствующий тяжести мира, беспечный скиталец-птицелов не становился героем Симонова. Море как центральный для Багрицкого символ свободы также редко привлекало молодого поэта.

У Симонова при ценностном перевесе категории пути рельефнее показана исходная точка – образ дома. Именно у позднего Багрицкого в «Происхождении» и «Человеке предместья» быт имел ту густую, обступающую плотность, которую

будут прорывать герои Симонова (стихотворение «Дорога» / «Пенаты», поэмы «Дом» и «Повесть о трех братьях»). Заслоняющий весь мир образ дома, его усиленная ольфакторная составляющая, агрессивность пространства, искушающая роль женщины, образ покоя-сна сходны у обоих поэтов.

Яркой особенностью стихов Багрицкого является предельная уплотненность предметного фона как бытового, так и идеального мира. Прорисовка пространства, оцененного положительно, является одним из значимых новшеств стилистической манеры Симонова в 1936–1937 гг. Если в ранних стихах странник уходит в никуда, то далее Симонов не боится конкретизировать свой идеал, но детали у него лишены орнаментальности, суше и, так сказать, функциональнее, чем у Багрицкого.

В поэме «Суворов» (1938 г.), содержащей аллюзии на раннее одноименное стихотворение Багрицкого, Симонов уже полемизирует с предшественником. Если у Багрицкого больному, в чем-то смешному старику Суворову была резко противопоставлена другая его ипостась – герой легенд, то Симонов, опираясь на те же детали, стремится создать целостный образ.

Следующим по времени стало влияние В. Луговского – руководителя поэтического семинара в Литинституте, где учился Симонов, коротко общавшийся с поэтом. Очевидно, что ученик не заимствовал наиболее типичные черты стиля учителя – метафоричность, «стихийничество», эмоциональную взвинченность, хотя развивал символику ветра и простора, ставших ключевыми в поэзии его наставника.

Герой Симонова перенимает само отношение к испытаниям – радостную устремленность к ним. Луговской расширил сферу героики и романтики, опозитивировал труд инженеров, мелиораторов, агрономов. Непосредственно обращается Симонов к среднеазиатской тематике лишь в стихотворении «Встречи» (1933 г.). Но в 1938–1939 гг. он увлечен типом «командировочного» – человека, поглощенного делом, отодвинувшего на периферию личные чувства («Номера в “Медвежьей горе”», «В командировке»). Хотя оптика Симонова по-прежнему смещена: он не изображает дело, захватившее героев, образы даны

в разрезе личной судьбы. Вообще, вторая книга «Пустыни и весны» с ее повествовательностью и стремлением запечатлеть историю отдельных людей, возможно, подсказывает Симонову структурный тип его ранних стихотворений-портретов.

Наиболее очевидно влияние Луговского в поэме «Мурманские дневники» – здесь Симонов находит героическое невоенное деяние (спасение папанинцев), которое изображено как идеал реализации человека новой эпохи. Показанный вначале «общий дом» – гостиница, населенная людьми, захваченными одним делом, схожа с локусом, воссозданным в программном для Луговского «Большевикам пустыни и весны».

Знакомство с творчеством Н.С. Тихонова начинает художественно претворяться в поэзии Симонова тогда, когда он уже нашел свою главную тему – «настоящих людей». Их характерная черта не просто мужество, а военное понимание долга, которое отличало и героев знаменитых баллад Тихонова. Хотя герои довоенных баллад Симонова действуют под влиянием эмоционального порыва (показателен «Изгнанник»), структурно эти произведения близки именно тихоновскому варианту жанра. Сухая, энергичная, чуть отстраненная повествовательная манера отличает обоих поэтов. Прямо ориентирована на тихоновский сюжет и синтаксис, передающий нанизывание событий, баллада «Срочный пакет» (1939 г.). Общая для поэтов коллизия выбора, столкновения двух равно святых чувств у Симонова раскрыта в стихотворениях военных лет («Слава», «Сыновьям»).

Цикл «С тобой без тебя» (1941–1954 гг.) с его смелым погружением в стихию опьяняющей и разрушающей любви подготовлен лирикой Тихонова. Его стихотворение «Полюбила меня не любовью...», предвоенный цикл «Чудесная тревога» принадлежат к числу редких в советской поэзии произведений, честно исследовавших антиномию любви.

Таким образом, освоение наследия советских неоромантиков связано со стремлением приблизить идеал к современности, увидеть героику повседневности. Поэтическая школа предшественников способствовала

оформлению отстраненно-повествовательной манеры Симонова, обострила избирательность показа деталей и рельефность их подачи. Симонов осваивает и средства экспрессии, находящиеся вне пределов тропеизации.

В параграфе **«Освоение поэтики Б.Л. Пастернака в довоенном творчестве К.М. Симонова»** выявляется одно из неочевидных, но продуктивных для становления Симонова литературных влияний. Ранние записи и позднейшие письма показывают, что, ставя в упрек Пастернаку дистанцирование от современности, Симонов ценил его поэзию. В поэме «Второе ремесло» (1935 г.) концепция искусства выстраивается как отчасти полемичная по отношению к пастернаковскому эскапизму.

Один из путей выхода из романтического внеисторизма был связан для Симонова с открытием частного человека. Эта задача решается в поэме «Первая любовь» (1936–1941 гг.). Ее главным жанровым ориентиром мы считаем роман в стихах «Спекторский», подсказавший нелинейную композицию с элементами ретроспекции и сложной субъектной организацией, значимостью случайностей, отказом от эмблематических черт эпохи. Вместо них персонаж «Первой любви» окружен бытом, в котором и узнается время. Место (от комнаты до города) наполняется собственной интенцией, сложно взаимодействующей с состоянием героя: «В такую ночь и спать не впору нам. / Нам нужно, чтобы плиты были гулки, / Чтоб нам, привыкшим к четырем стенам, / Вдруг помогли думать переулки». Симонову удается передать спонтанность чувств и речей героев, ряд эпизодов является реминисценциями из романа в стихах «Спекторский».

Художественные открытия Пастернака оказались востребованы и тогда, когда Симонов в 1939 г. стал участником войны и риторические формулы советской поэзии оказались неприемлемы для описания увиденного. Формальной особенностью его «монгольского» цикла «Соседям по юрте» являются сверхдлинные строки анапеста или дольника на его основе, которые М.Л. Гаспаров считал пастернаковской метой в поэзии⁵⁶. Ритмика стихотворений построена на неупорядоченных повторах, осложняющих

---

⁵⁶ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М: Фортуна Лимитед, 2000. С. 275.

конструкциях. Активно использует Симонов «пастернаковскую часть речи»⁵⁷ – наречия, передавая спонтанность и избыточность проявлений жизни: «Петь песни грустно и *недружно*, перебивая *невпопад*», «*Степи настезь* открыты буранам и пургам». Завершает цикл ряд стихотворений, в которых сказывается влияние не только поэтики, но и эстетики Пастернака. Они посвящены будням и быту войны, сохраняющим базовые ценности мирной поры.

Параграф «Традиции лирики А.А. Блока и Н.С. Гумилёва в цикле “С тобой и без тебя”» посвящен литературным истокам самого популярного цикла Симонова. Увлеченность Симонова поэзией Блока подтверждается выбором его творчества в качестве объекта исследования во время обучения Симонова в аспирантуре ИФЛИ (1938 г.).

В героине цикла у Симонова, как ранее у Блока, проявляются inferнальные черты, она «злая», «отпетая», «проклятая». Ее характеристики строятся на оксюморонном соединении объективной оценки и любовного ослепления. Раздвоенность героини, контрастность ее дневного и ночного образа также напоминают о персонаже пьесы Гумилева «Гондла» Ларе-Лаик.

Помимо типа героини и средств ее обрисовки, в стихотворениях Блока и Симонова совпадает фон свиданий – северная, зимняя природа. Здесь основным источником для Симонова становится цикл «Снежная маска», где вьюга и метель отражали непостоянство, губительную сущность героини. Родство со стихиями позволяло поставить героиню вне этических категорий, опозитизировать ее непостоянство. Одним из самых блоковских стихотворений Симонова стало «Пусть прокляну впоследствии...», в котором герой готов отдаться стихиям.

Есть в лирике Симонова и еще одна ипостась женского образа – это женщина-звезда. Образ многократно воссоздан в стихотворениях Блока и становится заглавным в цикле Гумилева «К синей звезде».

Женский образ в лирике Симонова порой обретает ореол святости. Образ Девы-хранительницы реализован в «Я, перебрав весь год, не вижу...». Культ вечной женственности воплощен в стихотворении «Хозяйка дома»: героиня

---

⁵⁷ Жолковский А.К. Поэтика Пастернака. Инварианты, структуры, интертексты. М.: НЛЮ, 2011. С. 161.

предстает «Сияньем женским, девочкой, женой, / Невестой...».

В стихотворении «Я в эмигрантский дом попал...» воссоздан типично блоковский образ Родины-жены, хотя интонационно и синтаксически описание видения женщины близко к «Незнакомке». Мотив мистической встречи использовал и Гумилев. Его стихотворение «Прощание» находит прямое отражение в «Не раз выдав, как умирали...» Симонова.

В отличие от предшественников, Симонов не делает сверхличный статус героини объективным: только для него возлюбленная является воплощением судьбы. Но, как и его предшественники, он нуждается в мифе, претворяющем неразделенную любовь в высокое чаяние.

В параграфе **«Цикл К.М. Симонова “Из дневника” в контексте поэзии 1941–1945 гг.»** исследована наиболее яркая и самобытная часть стихотворного наследия поэта. Продуктивной для Симонова стала жанровая разновидность стихотворений-зарисовок, представленная в циклах Н. Тихонова «Жизнь под звездами. Из походной тетради» (1916–1917 гг., опублик. в 1935 г.) и А. Суркова «Декабрьский дневник» (1940 г.). Это произведения с локальным хронотопом, построенные вокруг четко очерченной ситуации, исследующие нюансы психологического состояния на войне. Таковы «Из дневника», «Атака», «Пехотинец», «В Заволжье», «Жены». Жанр зарисовки также был продуктивным для А. Твардовского, Е. Долматовского, С. Гудзенко, С. Наровчатова, С. Орлова, Б. Слуцкого.

Историзм мышления Симонова проявлялся в широких перспекциях и ретроспекциях. Наиболее значимыми произведениями в этой группе являются «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» и «Безыменное поле». В обоих основан контакт с прошлым становится сама земля, принявшая в себя труд и тела предков. Связь с национальными ценностями для Симонова значительно шире, нежели преемственность воинской славы, герой открывает для себя Родину через национальные типажи, сложившиеся искони способы реакции на испытания. В этом аспекте наиболее близким Симонову оказывается Д. Кедрин. Формой преемственности по отношению к национальной традиции

является обращение к фольклорным формам («Слепец», «Три брата», «Старая солдатская»), актуальным также для Твардовского, Исаковского, Прокофьева.

Своеобразие военных стихотворений Симонова определяет мотив внутренних изменений человека на войне, открытия важных жизненных истин. Этот аспект вне зависимости от субъектной формы организации речи задавал личную ноту стихотворений. Так, определившее название и настроение цикла стихотворение «Из дневника» заканчивается признанием: «Да, война не такая, какой мы писали ее, – / Это горькая штука...»

Многие художественные открытия Симонова задавали ракурсы представления отдельных тем или образов. Воплощением образа Родины у поэта становится локальный пейзаж (Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...») и «Родина»). Параллельно с Симоновым и порой под его влиянием образ Родины получает воплощение в пейзажной миниатюре в стихотворениях И. Сельвинского «Отчизна», Д. Кедрина «Вон та недалекая роща...», «Весь край этот, милый навеки...», И. Уткина «Пейзаж», А. Суркова «Родина», А. Прокофьева «И снова ночь, и снова рань...», И. Эренбурга «Мир велик, а перед самой смертью...».

Стихотворение «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» стало одним из первых честных осмыслений тяжести отступления 1941 г. Ощутимая ориентация на мотивный комплекс и образы симоновского претекста (в частности образ женщин, провожающих бойцов) отличает стихотворения А. Суркова «Июльский день», Е. Долматовского «В трудные дни», А. Твардовского «Возмездие». Но лишь Симонов усложняет ситуацию: у него женщины находят нравственные силы на заботу и слова утешения.

Мотив спасительной женской любви, воплощенный в «Жди меня», также имел прямое развитие в военной поэзии. Он звучит в «Темной ночи» Б. Агатова, «Песенке» А. Прокофьева, «Ты пишешь письмо мне...» И. Уткина. В полемику с Симоновым вступает С. Кирсанов («Не жди меня») и С. Орлов («Я своих фотографий тебе не дарил...»). Спор с другим произведением из цикла «С тобой и без тебя», «Когда на выжженном плато...», ведет М. Луконин («Ты в эти дни

жила вдали...»). Концепция Симонова кажется поэтам фронтового поколения слишком литературной, идеализированной и не учитывающей калечащего воздействия войны.

Ряд послевоенных стихотворений Симонова посвящен памяти о войне, невозвратимым потерям, которые переживаются и поныне. В то же время открытие сложной правды о войне, обнажение неразрешимых нравственных коллизий станет прерогативой поэтов фронтового поколения. Показательно высказывание Симонова о Б. Слуцком: «Он в поэзии делает то, что хотел бы делать я, если бы сейчас писал стихи»⁵⁸. Но сам Симонов объективно не развил после войны ту линию поэзии, которой положил начало в 1941–1945 гг.

В параграфе **«Творческое наследие В.В. Маяковского в поэзии К.М. Симонова»** рассмотрены два этапа влияния предшественника на поэта. В первый, стилизаторский, освоен акцентный стих, разбивка лесенкой и дерзость в плане образотворчества. Второй этап обращения к традициям Маяковского связан с созданием политической и сатирической поэзии в книгах «Друзья и враги» (1948 г.) и особенно «Стихи 1954 года». Работая на общем с Маяковским тематическом поле «стихов о загранице», Симонов остался верен себе. Герои Маяковского – типы и карикатуры, у Симонова в стихотворении раскрыт если не характер, то уникальная судьба («Нет!», «Немец», «Баллада о трех содлатах»).

В книге «Стихи 1954 года» влияние Маяковского ощутимо в первой и третьей из четырех частей и, очевидно, тематически обусловлено. В стихотворении «Хлеб» прямо обозначена установка на агитационную природу стиха, на желание поставить слово орудием борьбы, что говорит о восприятии не только поэтики, но и эстетики предшественника. В третьем разделе книги Симонов дает образцы жанра сатиры, наследующие поздним произведениям Маяковского, когда тот писал не про «дрянь», а про «дрянце». Включение себя в число обличаемых (при разработке темы псевдодружбы) резко отличает

---

⁵⁸ Лазарев Л. «Как будто есть последние дела...» // Константин Симонов в воспоминаниях современников. М.: Сов. писатель, 1984. С. 289.

Симонова от Маяковского.

В «Стихах 1954 года» впервые появились тексты с тотальной графической разбивкой лесенкой. Но синтаксис все так же упорядочивают излюбленные анафоры Симонова, ощутима риторическая, а не разговорная организация стиха. Поэт активно использует гиперболы, прием «реализации метонимии» и разложения фразеологизмов, обращается к сдвигу грамматической нормы. Симонов легко переходит к тактовому и акцентному стиху именно в тех произведениях, в которых и другие уровни испытали влияние Маяковского. Разнообразит Симонов и рифму. Наряду с привычными для него точными и даже банальными грамматическими рифмами использованы неточные, составные («веселья – не сели», «бомбы – о чем бы») и неравносложные («Магнитогорски – горьковские», «гордые – Форда»).

Общая доля неточных рифм становится ведущим показателем сознательного изменения идиостиля. В военном цикле «Из дневника» доля неточных рифм составила 12%. В цикле «Друзья и враги» их уже 29%. В книге «Стихи 1954 года» неточные рифмы становятся приметой разделов политических и сатирических стихов, где их число взлетает до 43%.

В поздних стихотворениях Симонова прямое влияние поэтики Маяковского отсутствует. Текстуальные переключки возникают при тематическом схождении в «Матери Бориса Горбатова», «Навеки врублен в память поколений...», «Кто в будущее двинулся, держись...».

Во второй главе **«Мифопоэтические основы художественного мира К.М. Симонова»** рассмотрены системообразующие мотивы поэтического творчества Симонова в их взаимосвязи с такими компонентами художественного мира, как время, пространство, образ человека. В случае Симонова обращение к мифологическим мотивам не является целенаправленным и связано с актуализацией архетипических и более конкретных, национально определенных, структур сознания.

В параграфе **«Мифологема “смерть – воскресение” и художественное время в поэзии К.М. Симонова»** рассмотрены основные формы

художественной реализации мифологемы, изначально связанной с идеей циклического времени и потому конфликтующие с историческим сознанием. Легко совмещаются с представлением о поступательном историческом движении такие формы, как *метаморфозы* (воскресение в объектах мемориализации), *метемпсихоз*, *принадлежность коллективному телу народа*, *надындивидуальное бессмертие*, *растворение в идее*.

Продолжение существования за порогом смерти и контакт восставших мертвецов с живыми изображен в стихотворениях «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», «Безыменное поле», «Фляга», «Хозяйка дома». При этом война или только победа осмысляются как темпоральная аномалия, выход из обычного времени, делающий возможным контакт с «тем светом».

Бессмертие в коллективной памяти обретают исторические деятели: Мате Залка, Ленин. Частное лицо способно *жить в памяти друзей*. Мифологема была бы низведена до простой метафоры, если бы Симонов намеренно не противопоставил ей логически принимаемую, но эмоционально отторгаемую линейность времени.

Особая форма бессмертия – *возрождение в наследнике, часто духовном*. Духовное родство обеспечивается единством дела, тождественной сутью личности («Мальчик», «Тигр», «Разведка» и особенно «Наш политрук»). Перед нами феномен, который М. Элиаде называл «возведением к архетипу»⁵⁹, в нем уникальное заслоняется архетипическим, повторяемым: «Еще много раз погибал он. / Восемь раз копали могилы». «Ценой» такого бессмертия оказывается деиндивидуализация персонажей и циклическая повторяемость истории. Важно, что Симонов показывает неубедительность такого «воскресения» для персоналистского сознания («Мы не увидимся с тобой...», «Старая солдатская»). В цикле «Вьетнам, зима семидесятого» циклическое время, возвращающее героя в пору молодости, вызывает ужас, поскольку обещает новую кровавую войну.

Воскресение как духовное обновление представлено в стихотворениях «Летаргия» и «Мы оба с тобою из племени...». Линейное развитие не способно

---

⁵⁹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.: Алатея, 1998. С. 66.

разрешить любовный конфликт, необходимо пройти через фазу смерти, чтобы обновить отношения. С идеей *календарного обновления мира* связаны стихотворения, написанные в преддверии Нового года и отражающие представление о моделирующей функции первого дня.

Обращение к мифологеме воскресения у Симонова является не только частотным, но и последовательным в том смысле, что она не изымается из системы представлений, ее включение влечет за собой актуализацию других компонентов этой мировоззренческой системы: утрату личностной уникальности, отказ от линейного личного или исторического времени.

В параграфе **«“Дом – дорога – война”: динамическая система пространственных образов в поэзии К.М. Симонова»** изучены ключевые, проявляющиеся на протяжении всего творчества категории художественного мира автора. Противопоставление дома и дороги является вариантом оппозиции «свой – чужой», но молодой Симонов меняет их ценностные полюсы, представляя дом пространством враждебным. В произведениях 1934 – 1936 гг. разрабатывается сюжет возвращения домой и вторичного ухода. Описание редких встреч в пути отражает мифологические представления: здесь можно повстречать самое жизнь или счастье. Но фольклорный мотив обретения счастья скорректирован романтической идеей вечного движения.

Подлинным атрибутом человека пути являются сапоги («Ты живешь, покуда в силах гнаться, / И умрешь в дорожных сапогах»⁶⁰), во многом эта деталь маркирует этот тип героя. Путешественники словно не могут разуться даже на пороге дома, тем самым нарушают культурные запреты и демонстрируют символическую принадлежность дороге.

Дом мыслится как пространство стабильное и неподвижное, он строится как модель мира и подменяет собой мир. Описание дома устойчиво включает несколько ситуаций и символических деталей: стол и принятие пищи, кровать и отдых, присутствие женщины в доме, образ огня и тепла. Большинство из перечисленных черт у Симонова даны в оппозиции с приметам дорожного

---

⁶⁰ РГАЛИ. Фонд 1814. Оп. 1. Ед. хр. 70.

обихода: скатерти противопоставлена накрывающая стол газета, кровати – голая земля, вилке – нож, вину – вода. Пища и кровать показаны как источник искусства. Прикосновение к ним чревато почти буквальным поглощением пространством дома. Это позволяет соотнести дом в ранней поэзии Симонова со сказочным пространством смерти, избушкой в лесу. Идея покоя как смерти прямо воплощается в сказке «О рыцаре, о его друге и о счастливой стороне».

«Реабилитация» образа дома начинается с цикла «Соседям по юрте» (1939 г.). Смелые аналогии, взаимоотражения пространств дома и военного лагеря четче обрисовывают черты каждого из них. Характерно подчеркивание защищающей функции дома-юрты. Оппозицией дома становится пространство войны, окончательно это противопоставление утвердится в годы Великой Отечественной войны.

В стихотворении «Хозяйка дома» (1942 г.) частное жилище вырастает до символа дома вообще, среди деталей неоднократно упоминается стол – сакральный центр пространства. Дом предстает воплощением стабильности: даже случайные бытовые детали неизменны в нем. Если в народном сознании дом – объект защищающий, в мире Симонова он квинтэссенция того, что защищает солдат. Поэтому становится возможной ситуация обретения дома на войне («Майор привез мальчишку на лафете...», «Дом в Вязьме»).

Разрушение жесткой оппозиции и некоторое умаление образа дома происходит в произведениях, где война из пространственной категории перерастает в хронотоп, связанный с обретением опыта.

В послевоенной лирике воплощением холодной войны станет образ антидома – враждебного пространства, притворяющегося своим (гостиница, корреспондентский клуб). В ряде стихотворений описано профанированное застолье с врагом. Наиболее ярко антидом показан в стихотворениях «Дом на передовой» (1948 г.) и «Новогодняя ночь в Токио» (1954 г.).

В параграфе **«Система бинарных оппозиций в любовной лирике К.М. Симонова»** рассмотрен аспект темы, связанный с важным в народной культуре противопоставлением души и тела. В лирике Симонова с ним

соединена оппозиция «день – ночь». В цикле «С тобой и без тебя» складывается устойчивая связь мотивов, где телесный полюс соединен с упоминанием ночи, рук и губ, активизацией тактильных ощущений и идеей слова произнесенного, а духовный – с образом дня, глаз, зрения и письменного слова. Противопоставлены два начала любви в стихотворениях «Ты говорила мне люблю...» и «На час запомнив имена...». Идея нераздельности форм любви отражена в стихотворении «Когда нисходит благодать...», где физический импульс перетекает в духовную реакцию и наоборот. Именно полнота чувства дает герою право произнести сакральное слово – назвать героиню женой.

В ряде стихотворений проявляется только одна из ипостасей чувства. Яркая апология плотской любви – «Да, я люблю тебя еще сильнее». Мотивный комплекс этого стихотворения связан с воссозданием обряда посвящения. В итоге физическая близость предельно мифологизируется и сакрализуется. В стихотворении «Хозяйка дома» единственный раз в лирике Симонова происходит свободный, не обусловленный разлукой выбор в пользу духовной связи. Любовь земная несовместима с высоким началом, живущим в героине.

В развитии мотива раздвоенности чувства важна группа произведений о возлюбленной-«двоедушнице». В стихотворении «Я очень тоскую...» переменчивость героини объясняется фразой «Любить в ней две рядом / Живущих души...». Выразительно и слово «обернется»: в контексте цикла оно утверждает inferнальность героини. Встраиваясь в систему оппозиций, эти произведения устанавливают соотношение «телесное – связанное с нечистой силой» и придают стихотворениям о самоценности страсти тревожное звучание, представляя их как порабощение героя искушающей силой.

Наиболее тесно связано с народными верованиями стихотворение «В домотканом деревянном городке...». В его основе раскрытие характера героини через сопоставление с северным городом, который ночью охвачен разгулом нечистой силы.

В фольклоре отсутствуют сюжеты, которые можно было бы считать основой симоновского цикла: поэт свободно соединяет и трансформирует

мифологические мотивы. При устойчивости компонентов системы ценностный выбор автора колеблется между противоположными полюсами.

Параграф «Дружба в художественном мире К.М. Симонова-поэта» показывает связь темы товарищества с представлением о доле человека. Одиночество романтика впервые было побеждено идеей товарищества в стихотворении «Однополчане» (1938). Дружбу в нем скрепляло не совпадение индивидуальных черт, а общность жизненного пути, сходство испытаний. Мотив проверки дружбы близостью смерти сохраняется на всем протяжении творчества Симонова.

Лейтмотивом военных стихотворений Симонова о дружбе стало разделение хлеба или напитка: «Хлеб пополам, кров пополам – так жизнь в ту ночь открылась нам». При сохранении буквальности, действия приобретают знаковый характер, что позволяет рассматривать описанное как ритуал скрепления дружбы и приобщения к общей судьбе, поскольку правила обращения с хлебом «основаны на вере в тождественность Доли (человека, рода) и доли (куска, буханки) хлеба»⁶¹. В стихотворении «Смерть друга» идея общей доли предстает в форме перераспределения духовного опыта после смерти каждого из воюющих (аналогично делили хлеб или кашу после смерти одного из членов сельской общины).

Тематический комплекс товарищества-братства напрямую связан с пространством дома. Устойчивость связи подтверждается их соединением в стихотворениях «Хозяйка дома» (1942), «Встреча на чужбине» (1945), «Дом друзей» (1954). Эксплицирован симоновский кодекс дружбы и чести в стихотворении «Дом в Вязьме» (1943). В нем ночь, проведенная в случайном доме на войне, осмыслена как таинство, в ходе которого дом обретает роль сакрального места. Поэтому после войны способность войти в этот дом станет подтверждением моральной чистоты друзей.

В 1950-е гг. Симонов создает несколько стихотворений о ложной дружбе:

---

⁶¹ *Страхов А.Б.* Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования. Munchen: Verlag Otto Sagner, 1991. С. 177.

«Дружба – дружбой, а служба – службой...», «Анкета дружбы», «Друг-приятель». Элементы ритуального поведения в последнем профанированы, что делает это сатирическое стихотворение трагедийным.

За небольшим исключением стихотворения Симонова о товариществе не знают категории индивидуального характера. Здесь нет познания «другого» в его своеобразии и несходстве с тобой. Товарищей объединяет общность испытаний, равная доля.

Третья глава **«Стилевые доминанты стихотворного творчества К.М. Симонова»** посвящена доминантным чертам стиля поэта. В параграфе **«Трансформация фразеологизмов в поэзии К.М. Симонова»** предложена типология форм включения устойчивых словосочетаний в его тексты. *Используя фразеологизмы в неизменном виде*, поэт порой нанизывает один оборот на другой. Цель такого приема – отсылка к константам народного сознания.

В произведениях поэта частотны и различные способы трансформации фразеологизмов: *контаминация с помощью грамматической связи* («Знал кожей сжатых кулаков своих»), *двойное прочтение* из-за взаимного отражения фразеологизмов («Назад окоп твой взял в бою, / Он голову сложил свою»). Также Симонов обращается к форме *двойной актуализации*, употребляя фразеологизм одновременно как устойчивое и свободное сочетание слов («Всю ночь с телеграфисткой / Налаживал контакт»). Он *дистраивает фразы по заданной фразеологизмом модели* («За чужой спиной не сидят, / Из чужой винтовки не мстят»), разновидность приема составляет антитетичное *дистраивание* («мертвые сраму не имут, – / Нет, имут, скажу я тебе»).

Дополнение фразеологизма может происходить не только по заданной модели – его структура способна распространяться *за счет второстепенных членов* («Со мной на этих вежливых ножах», «Срам прикроют листиком шутки»). Вводимые в структуру оборота слова идут вразрез с ожиданиями, хотя сами обороты не меняют значения, но обнаруживают большую емкость. Креативный эффект достигается без слома нормы. Прибегал Симонов и к *изменению одного из компонентов фразеологизма*, но без яркого эстетического эффекта.

Трансформации фразеологизмов позволяют поэту выдвинуть концептуально важные для него понятия, указать на некоторые законы жизни, отраженные в языке, но полустертые при автоматическом употреблении устойчивых выражений.

В параграфе «Диалектика реальности сквозь призму антонимии» рассматривается одна из основ стиля Симонова. Антонимы, как и фразеологические обороты, – еще один вариант ожидаемой, готовой фразы, опираясь на который Симонов осуществляет поиск истины.

Поэт часто использует антонимы в их основной функции *выражения антитезы*, строя на них лозунговые высказывания («Врагов встречаешь – уничтожь, / Друзей встречаешь – поделись»). Антонимы подчеркивают романтическую силу и бескомпромиссность любви. Но в военных стихах антитеза звучит саркастически («Но, мертвых отдав поруганью, / Зато мы – живыми пришли!»). Легкость разделения мира утрачена.

Антонимы у Симонова служат *средством воссоздания всеохватности, тотальности* («И те последних тридцать метров, / Где жизнь со смертью наравне!»). И одним из полюсов часто оказывается смерть – важное мерило всех ценностей у Симонова. Снятие крайностей происходит в *трехчастных конструкциях*, диатезах, где средний член разрушает четкость противопоставления, или вбирая обе части, или усложняя смысл благодаря введению не вписывающегося в логику оппозиций компонента («Злой вотчим! Добрый гений мой / Пенсионер военный»).

Антонимы становятся *основой парадоксов* («Как раз сейчас, за тыщу верст, / рядом, / За «Дранг нах Остен» — пиво пьют / наци»). Стремление запечатлеть сложность любовных переживаний, несовпадение внешнего и сущностного воплотилось в словах поэмы «Первая любовь»: «Так близко, так ужасно далеко / Она еще ни разу не бывала». Эта формула из довоенной поэмы подтверждает наше прочтение названия цикла «С тобой и без тебя» как подобной же антинимии. Другой формой парадоксов становится своего рода семантический хиазм: «И долгий путь вперед короче / Короткого пути назад».

Конструкции с антонимами описывают *компенсаторные отношения* («Бессмертье своего народа / Своею смертью покупать»). Еще один способ воссоздания сложности жизни – *диафоры* («А все же поделишь порой / Друзей – на залегших в Ташкенте / И в снежных полях под Москвой»). Такие фразы содержат признаки языковой игры и просятся в афоризмы.

Контекстуальные антонимы у Симонова оформляют оппозицию фрагментов времени или пространства, что говорит о мифопоэтическом восприятии этих категорий как неравномерных и неравноценных в своих частях. «Мы измеряем, долго ли ты жил, / Не днями жизни, а часами дружбы».

Предметные, психологические и сюжетные детали рассмотрены в параграфе «**Поэтика деталей в поэтическом творчестве К.М. Симонова**». В ранней поэзии голос Симонова начинает звучать узнаваемо именно в тех произведениях, где ему удастся найти яркую деталь. Часто поэт прибегает к приему, который мы называем «конфликтом предметов», – изображению противоположных жизненных стратегий через детали («Мне поезд свистит, а тебе самовар»).

В раннем творчестве Симонов создает стихотворения, целиком построенные вокруг центральной детали, названной в заглавии («Рассказ о глотке воды», «Флаг (Рассказ немецкого рабочего)», «Портрет», «Чемодан»). Мастерство косвенного взгляда разворачивается в цикле «Соседям по юрте», где казалось бы случайный предмет становится ключом к постижению войны («Деревья», «Сверчок», «Фотография», «Кукла» и др.). В военный период произведения со структурообразующей деталью-доминантой почти исчезают из поэзии Симонова. В позднем творчестве отдельный предмет становится центром стихотворения «Знамя».

Укрупненная деталь, не подчиняющая себе произведение целиком, также появляется у Симонова довольно рано. В поэме «Первая любовь» символом молодого чувства, проведенным через все произведение, становится ситцевое платье в цветочек. В финале оно превращено безжалостным временем в поблекшую тряпку. В годы войны яркий образ (испанская пластинка – голос

ушедшей молодости генерала) появляется в стихотворении «У огня». Часто деталь выполняет функцию медиатора, связывающего пространства или время.

Если центральная деталь исчезает из поэзии зрелого Симонова, то множественные подробности, установка на конкретное пластичное видение реальности (т.е. показ, а не рассказ) составляют более устойчивую тенденцию. Поэт настраивает оптику в соответствии с психологическим состоянием героя. В стихотворении «Атака» (1942 г.) о желании вжаться в землю говорят филигранно прорисованные подробности пейзажа. Большинство подробностей выполняет характеризующую функцию, подчинено антропологической доминанте.

В послевоенную пору подробности все чаще стали использоваться для характеристики некоторой непривычной, даже экзотической для автора и его героев среды. В этих произведениях все больше бытописательства, все реже появляются остро схваченные черты.

Наиболее выразительны у Симонова подробности сюжетные. В поэме «Суворов» тоскующие по дому солдаты «секретом два лужка / Швейцаркам здешним накосили...» Выразителен финальный жест героя стихотворения «Матвеев курган». В поздней лирике ситуативность оказывается потеснена обобщенностью и медитативностью.

Параграф **«Лексический повтор в поэзии К.М. Симонова»** рассматривает повторы в структурно не закреплённой позиции. Отдельный, не самый частотный тип представляют повторы как форма имитации разговорной речи. Их эмоциональный диапазон довольно широк: от безапелляционного приказа до экзальтированных уговоров. Финалы некоторых поздних стихотворений Симонова автокоммуникативны. Герои словно проверяют на слух свои мысли: «Все остальное – непохоже, / А это – так. / Наверно, так...».

Поэт часто прибегает к так называемым сквозным эпитетам, выделяя с их помощью одну из частей базовой оппозиции «свой – чужой». Определение «чужой» повторяется в стихотворениях «Изгнанник», «Я в эмигрантский дом попал...», «В корреспондентском клубе...», «Военно-морская база в Майдзуре». Конкретизацией категории «свой» являются прилагательные со значением

национальной принадлежности: «венгерский («Генерал»), «русский» («Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»), «Встреча на чужбине»).

Функция указания на тождество особенно очевидна в произведениях, где повтор отнесен к разным объектам («Куда их жены отпустили, / Чтобы спасти его жену»). Единую сущность предметов и характеров важно удостоверить в случаях, когда стихотворение построено на противодействии героя и времени («Через двадцать лет», «Нет»).

Частотен у зрелого Симонова повтор в биноминативных предложениях: ««Дружба – дружбой, а служба – службой»» и близким к ним конструкциям. Финальная часть поэмы «Чужого горя не бывает...» почти полностью построена на таких тавтологиях, призванных убедить в незыблемости моральных категорий: «Напоминает горе – горе; / Одно – другое».

Исходя из классификации фигур, предложенной В.П. Москвиным⁶², можно заключить, что Симонов не искушается поэтикой разнообразной речи. В позднем творчестве поэт, стремясь к точности, элиминирует украшательские функции, хотя при этом не отказывается от языковой игры, что говорит о ее эвристической направленности.

Исследование повторов продолжено в параграфе **«Синтаксически упорядоченные повторы в стихотворениях К.М. Симонова»**. По мнению В.М. Жирмунского, наиболее упорядоченная форма повтора представлена в песне. У Симонова в «Северной песне», «Песне о девушке», «Шоферской», «Песне о веселом репортере»⁶³, «Корреспондентской застольной», «Солдатской песне» последовательность куплетов создает рассказ об изменениях в жизни героев. Припевы же, часто грамматически связанные с куплетами, утверждают неизменность реакций при разности ситуаций. Так следование конвенциям жанра становится формой продуктивной игры с категориями линейного и циклического времени.

Одной из закреплённых в культуре форм логического и синтаксического

---

⁶² Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. М.: УРСС, 2004. С. 10–11.

⁶³ Написана совместно с А. Сурковым.

упорядочения речи является период, который может организовывать даже сложное синтаксическое целое. Форма классического периода многократно представлена у Симонова в отдельных частях стихотворений. Но несколько произведений, преимущественно большого объема, полностью построены по законам периода. Таковы «Всю жизнь любил он рисовать войну...», «Когда нисходит благодать...», «Я очень тоскую...», «Мне хочется назвать тебя женой...», «Когда на выжженном плато...» и «Убей его»⁶⁴.

Эти произведения, несмотря на сложность структуры, сохраняют двухчастное строение, в поддержании которого важнейшую роль играет синтаксическая однородность и лексические переключки. Каждый из колонов периода у Симонова связан со второй частью подчинительной связью и обычно имеет собственные придаточные второй, а порой и третьей степени, также подчеркнутые повторами – т.е. в стихотворении представлен феномен, названный нами «ветвящимся синтаксисом». Хотя период предполагает соподчинение, наличие однородных придаточных вовсе не предписано ему. Поэтому выбор формы, закрепляющей жесткие причинно-следственные связи, мы расцениваем как свидетельство сверхлогичности синтаксиса Симонова. Отметим, что большинство стихотворений-периодов входит в цикл «С тобой и без тебя»: аналитическая форма применена для раскрытия конфликтных, подчас иррациональных чувств.

В параграфе «**Омонимическая и тавтологическая рифма в поэзии К.М. Симонова**» рассмотрена еще одна закреплённая форма повтора – повтор в позиции рифмы. Кроме двух названных типов, поэт часто использовал промежуточный, рифмуя слово в разных значениях (такую рифму мы называем полисемантической). Обращение Симонова ко всем трем формам рассмотрено как единая тенденция.

Изучение довоенных произведений Симонова убеждает, что он не связывал омонимическую рифму лишь с юмористическими жанрами. Широким полем экспериментов с рифмой стала поэма «Павел Черный». Не все

---

⁶⁴ Рассмотрены первоначальные варианты всех стихотворений, в них черты периода представлены полнее.

омонимические рифмы Симонова изобретательны, он не упускает случая зарифмовать существительные нарицательные с именами собственными: «Губой <прозвище героя> – губой». Другие варианты также связаны с характеристикой персонажей: «садились за очередной тур – на скользкой почве пешек, слонов и тур», «он деньги вкладывал в банк – / рисковал по крупной, но никогда – ва-банк». Благодаря омонимам поэт переходит от частных к общей характеристике героя или ситуации.

В довоенных поэмах случаев омонимических и тавтологических рифм больше, чем в стихах. В поэме «Победитель» несколько подлинно омонимических рифм: «Слышишь, как порохом пахнуть стали / Передовые статьи и стихи? / Перья штампуют из той же стали, / Которая завтра пойдет на штыки». Такая рифма в финале призвана усилить афористичность строк.

В произведениях, связанных с боями в Монголии, языковая игра идет на убыль. В годы войны мы не встречаем у Симонова омонимической рифмы в чистом виде, случаи, основанные на полисемии, есть в юмористических произведениях. Этот факт говорит либо о пересмотре автором отношения к такому виду рифм, либо заставляет заподозрить, что они никогда не порывали с игровой поэтикой и потому стали этически невозможны.

Новая волна интереса к омонимическим и полисемантическим рифмам приходится на цикл «Друзья и враги». Многие его стихотворения – политические памфлеты, поэтому игровые приемы остроумия диктовались самим жанром. «В том, как весь вечер выдержал он стойко / Со мной на этих вежливых ножах, / Была не столько трезвость, сколько стойка / Перед прыжком в газетных камышах».

Поздние поэмы Симонова свободны не только от омонимических рифм, но и от игры с многозначными словами в рифмующейся позиции.

В главе «**Основы циклизации в поэтическом творчестве К.М. Симонова**» исследована одна из важных черт системного мышления в поэзии. В параграфе «**Становление К.М. Симонова – поэта, мотивная и композиционная структура книги “Стихи. 1935 г.”**» рассмотрен

неопубликованный текстовый ансамбль с внутренней рубрикой, объединяющей стихотворения в четыре цикла⁶⁵. Открывает книгу программное «Я не люблю прославленных поэтов...», в нем выстраивается противопоставление двух мироотношений: жадно вбирающего бытие, не довольствующегося безопасной нормой и осторожного, мещанского.

Цикл «Детское», хотя и непоследовательно, охватывает путь человека от рождения до старости. Ключевыми мотивами и в то же время необходимыми условиями правильной, с точки зрения неоромантика, жизни становятся преодоление себя, в том числе и торжество над физической болью («Детство», «Больной мальчик», «Шестнадцать строк», «Счастье») и разрыв с бытом, уход из дома («Дорога» и «Уют»).

Книга стихов построена на сложном взаимодействии циклов. Если в первом ценность привязанностей отвергалась, то второй осмысляет трагические последствия самообуздания. Отказ от любви грозит слепотой к красоте мира, в большинстве стихотворений второго цикла присутствует мотив холода и увечья, утраты одного из каналов связи с миром: «Но чувства мне мстили: я вдруг позабыл, / Как выглядит белый свет».

Цикл «Иронические стихи» объединяет пеструю по виду и направленности комическую группу стихотворений. Среди них ярко выделяется «Песок» (экспериментальный монорим, показывающий тотальную телесность мещанства) и «Равнодушие» (опирающееся на широкий круг претекстов произведение о внутренней раздвоенности). Последний цикл «Мелочь» служит затухающим эхом большинства мотивов книги.

Итоговый миробраз, складывающийся в книге, нецелен. Мотив раздвоенности не только проведен в отдельных стихотворениях, но и определяет структуру ансамбля с его соседством разнопафосных циклов, обращенных к общим проблемам. Важно, что темой раннего Симонова становится психологическая сложность человека.

В параграфе «Творческая история и принципы архитектоники цикла

---

⁶⁵ РГАЛИ. Фонд 1814. Оп. 1. Ед. хр. 70.

«С тобой и без тебя» (в редакциях 1942 г. и 1966 г.)» рассмотрены самые известные, вошедшие в историю литературы редакции цикла.

Жанровая природа цикла, вышедшего отдельной книгой в 1942 г. определена в подзаголовке – «Из лирического дневника». Цикл Симонова близок форме дневников в письмах, описанной М. Михеевым и О. Егоровым⁶⁶: 21 из 25 стихотворений обращено к лирической героине даже в случаях, когда коммуникация невозможна или бессмысленна. Это позволяет видеть в стихотворениях дневник, созданный сознанием, почти одержимым любимой.

Ключевым признаком реального дневника является «отсутствие единого авторского замысла»⁶⁷. Симонов проблематизирует в самом цикле необходимость дать тексту завершение. Но связана эта потребность не с художественной условностью, а с желанием героя (особенно в заключительном разделе «Север») осмыслить жизнь, которая может оборваться на войне в любой момент. Возможная смерть как фактор, задающий иное осмысление событий, ярко представлена в стихотворении «Мне хочется назвать тебя женой...». Цикл 1942 года избавлен от другого завершения, кроме того, которое становится объектом рефлексии и обретением лирического героя.

Дальнейшая история цикла во многом связана с преодолением дневниковости. Итоговый вариант 1966 г. мы определяем как роман в форме дневника. Поэт снова выбирает хронологический принцип расположения стихотворений, но порой отступает от него исходя из логики развития мотивов и динамики сюжета. Из цикла изъяты произведения, не связанные с любовной темой или трактующие ее облегченно. Так закрепляется понимание цикла как произведения о любви конфликтной, трагической, роковой.

Мотивы первой части цикла – нелюбовь героини и надежда на чудо, которое избавит героя от мучительной двойственности положения. Своеобразной «перипетией» становится восьмое стихотворение, «Ты говорила

---

⁶⁶ Михеев М. Дневник в России XIX-XX века – эго-текст, или пред-текст. М., 2006. С. 68–71; Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. М.: Флинта, Наука, 2011. С. 8–9.

⁶⁷ Зализняк А. Дневник: к определению жанра // НЛО. 2010. № 106. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html>

мне люблю...», в котором происходит вторжение исторического времени в отношения и одновременно герой слышит чаемое «люблю» от героини.

«Жди меня» занимает уникальное положение в цикле: оно прерывает цепь гадательных вопрошаний о будущем и наполняется мощными профетическими интонациями. Внутри цикла произведение сохраняет статус идеала мирообраза, который, однако, далее недостижим.

Важным циклообразующим мотивом «С тобой и без тебя» является мотив чудесного свидания влюбленных, души которых преодолевают расстояние. К этому сюжету Симонов обращается в стихотворениях «Я, перебрав весь год, не вижу...», «Когда на выжженном плато...», «Далекому другу», «Не раз видав, как умирали...», «Я в эмигрантский дом попал...». Во всех, кроме последнего, написанного уже после войны, одолеть расстояние должна женщина. Герой же нерушимо прикован к фронту и не может покинуть его даже мысленно. Военную часть цикла закрывает стихотворение «Мы оба с тобою из племени...». Оно знаменует вторую попытку выстроить отношения. Завершает сюжетную часть цикла «Трубка после обеда...» с инверсированием основных мотивов – отдалением мужчины, его виртуальным перемещением в прошлое, на войну, с прямой декларацией женской, а не мужской любви.

Своеобразным эпилогом являются три последних стихотворения. Они резко, неожиданно и безапелляционно не разрешают, но разрубают конфликт. Важно, что весь строй этих стихотворений основан на повторении черт первых военных произведений: мотива пощады, идеи чувства-испытания, обращенности сознания к героине. Нелюбовь оказывается столь же неподвластным герою чувством, как когда-то страстная одержимость. Последнее стихотворение переводит тему в металитературный план. Цикл обретает эстетически вневременного автора, но перестает быть дневником.

Параграф «Отказ от сюжетной модели в позднем цикле “Вьетнам, зима семидесятого”»⁶⁸ посвящен новым принципам циклообразования в позднем творчестве Симонова. С точки зрения субъектной организации названный цикл

---

⁶⁸ Цикл состоит из поэмы «Чужого горя не бывает» и семи стихотворений.

наиболее сложен. Герой одновременно совпадает с собой прошлым и обретает способность вживаться в другого. Третья – пятая части поэмы «Чужого горя не бывает...», открывающей цикл, написаны от лица вьетнамцев. Перед нами не ролевая лирика, а форма особого расширения лирического «я». Наиболее сложную форму это расширение принимает в стихотворении «Я не видал жены семнадцать лет...». Опыт вживания оказался столь мощным, что в цикле появляется система образов, связанных с пространственной вертикалью и продиктованных сложившимся у вьетнамцев восприятием неба как угрозы.

Сквозным мотивом поэмы становится уничтожение норм жизни: разрушение семей, отнятое детство, ежедневные бомбежки. Поэт точно исчисляет длительность каждого события, поскольку любой период, большой или малый, – невозвратимая часть уникальной человеческой жизни. Такое скрупулезное измерение подтверждает внутреннее неприятие повторяемости, конфликт личного линейного и циклического времени.

Стихотворения, составившие цикл, но не входящие в поэму, отличаются более простой субъектной организацией. В них больше собственно авторской рефлексии, подчас автор представлен как повествующий голос.

В стихотворениях о Вьетнаме Симонов обратился к новой для себя модели цикла. Стихотворения объединены не внешней канвой событий или маршрутом корреспондента. Цикл строится как опыт интериоризации впечатлений и погружения в собственные воспоминания. Субъективное начало, противостоящее идее повторяемости, выступает как активный фактор, упорядочивающий материал.

В **«Заключении»** представлены итоги исследования. Поэзия К.М. Симонова признается эволюционирующей, основанной на антиномиях системой, которая развивается от неоромантизма к реализму, осложненному вторжением мифопоэтического начала. Неизменной чертой поэзии Симонова является интерес к личности, антропологическая доминанта.

Художественный мир Симонова организован оппозициями линейного и циклического времени, пространства дома и войны, волевого самоограничения

и стихийности чувств, духовного и телесного начал любви. Однако оценка этих полюсов не является неизменной. Названные мотивные комплексы взаимодействуют между собой. Так, любовные мотивы у юного поэта связаны с образом дома и атемпоральностью, застоём. В зрелом творчестве они неотделимы от линейного времени личной судьбы, духовная составляющая любви связана с образом дома как сакрального, оберегаемого места и потенциально, через мотив чудесного перемещения, с хронотопом войны. Образ любви плотской при негативной оценке соединен с войной как местом, при положительной – остается нелокализованным. Тема товарищества появляется одновременно с переоценкой дома как пространства и оказывается устойчиво связана с образом дома на войне и историческим временем.

Манера Симонова основана на устойчивом, почти тотальном индуктивном развертывании стихотворения (термин Л. Гинзбург ⁶⁹). Поэт умеет видеть психологически важные детали, отталкивается от единичного, возможно внятного всем, но переживаемого интимно.

Слово у Симонова берется прежде всего в системе языка, а не в рамках индивидуального / направленческого словаря. Интерес к готовым структурам проявляется в обращении к фразеологизмам, антонимам и лексическим повторам. Подробное изучение этих единиц в поэзии Симонова показывает интерес поэта к языковой игре, которая направлена на постижение законов реальности.

Непосредственная передача эмоций заменяется у поэта рефлексией. Эта интеллектуализация влияет на идиостиль автора, объясняет популярность аналитических синтаксических структур, уникальных сверхпериодов и тавтологических повторов.

В «**Приложении**» приведен анализ стихотворений «Ты говорила мне люблю...» и «Жди меня», призванный продемонстрировать системность поэзии Симонова на уровне отдельного стихотворения.

---

⁶⁹ Гинзбург Л.Я. Частное и общее в лирическом стихотворении // Гинзбург Л.Я. О старом и новом (статьи и очерки). Л.: Сов. писатель, 1982. С. 15–42.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в журналах, входящих в базы Scopus, Web of Science и RSCI:

1. *Коржова И.Н.* Война и дом в поэзии К. Симонова 1941-1945 годов: оппозиция и пересечение // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 103–111. (ВАК, RSCI, Web of Science, ИФ РИНЦ 0,473)
2. *Коржова И.Н.* Отражение народных представлений о доле в поэзии 1941-1945 гг. // Вестник славянских культур. 2018. Т. 47. С. 193–206. (ВАК, Web of Science, ИФ РИНЦ 0,601)
3. *Коржова И.Н.* Душой и телом: бинарные оппозиции в стихотворении К. Симонова «Ты говорила мне люблю...» // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 2. С. 169–178. (ВАК, Web of Science, ИФ РИНЦ 0,791)
4. *Коржова И.Н.* Формула любви: мифопоэтика цикла К. Симонова «С тобой и без тебя» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 1. С. 75–82. (ВАК, RSCI, Web of Science, ИФ РИНЦ 0,474)
5. *Коржова И.Н.* Сюжет «извещение о скорой смерти родителя» в русской литературе XX века // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 124–136. (ВАК, RSCI, Web of Science, Scopus, ИФ РИНЦ 0,715)
6. *Коржова И.Н.* «Хлеб пополам, кров пополам...»: мифопоэтический аспект осмысления дружбы в поэзии К. Симонова // Вестник славянских культур. 2022. Т. 63. С. 221–233. (ВАК, Web of Science, ИФ РИНЦ 0,426)
7. *Коржова И.Н.* Формы актуализации исторического прошлого на плакатах и в стихотворениях Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 81. С. 225–240. (ВАК, RSCI, Web of Science, Scopus, ИФ РИНЦ 1,061)

Публикации в рецензируемых научных изданиях, определенных

Положением о присуждении ученых степеней в Московском

государственном университете имени М.В. Ломоносова:

8. *Коржова И.Н.* Уроки нелюбви: традиции лирики А. Блока и Н. Гумилева в цикле К. Симонова «С тобой и без тебя» // Вестник Самарского

- университета. История, педагогика, филология (Вестник Самарского государственного университета). 2016. № 3.1. С. 84–92. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,656)
9. *Коржова И.Н.* Дневник как жанровая модель цикла К. Симонова «С тобой и без тебя» (1942 г.) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 42–49. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,252)
10. *Коржова И.Н.* Десять задач на сложение: творческая история цикла К. Симонова «С тобой и без тебя» (Статья первая) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 2 (79). С. 117–122. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,407)
11. *Коржова И.Н.* Десять задач на сложение: творческая история цикла К. Симонова «С тобой и без тебя» (Статья вторая) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 3 (80). С. 104–110. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,407)
12. *Коржова И.Н.* Цена бессмертия: мифологема «смерть – воскресение» и аксиология циклического времени в поэзии К. Симонова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 5. С. 86–93. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,522)
13. *Коржова И.Н.* Два нищих: лермонтовский претекст в стихотворении К. Симонова «До утра перед разлукой...» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 93–100. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,379)
14. *Коржова И.Н.* Поэтические традиции Б. Пастернака в стихотворениях К. Симонова из цикла «Соседям по юрте» // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 2. С. 141–145. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,469)
15. *Коржова И.Н.* «Обильная дань»: освоение поэтики Б. Пастернака в цикле К. Симонова «Соседям по юрте» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 127–137. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,482)

16. *Коржова И.Н.* Художественная полемика с К. Симоновым в стихотворении М. Луконина «Ты в эти дни жила вдали...» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 2. С. 38–41. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,356)
17. *Коржова И.Н.* Художественная рецепция стихотворения К. Симонова «Жди меня» в поэзии 1940-х – 1950-х годов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 6 (822). С. 221–235. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,171)
18. *Коржова И.Н., Леденёв А.В.* Омнимическая и тавтологическая рифма в поэзии К. Симонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 627–638. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,455)
19. *Коржова И.Н.* Магия грамматики в стихотворении К. Симонова «Жди меня» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № 1. С. 156–165. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,352)
20. *Коржова И.Н.* К вопросу о творческой эволюции К. Симонова: от «Возвращения» к «Первой любви» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 1 (68). С. 25–37. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,330)
21. *Коржова И.Н.* Революционный или новый? Романтизм в поэме К. Симонова «Возвращение» // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Том 31. Вып. 6. С. 1299–1305. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,270)
22. *Коржова И.Н.* Жанровые модели в поэме К.М. Симонова «Победитель» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 1. С. 18–23. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,462)

Дополнительные публикации

23. *Коржова И.Н.* Типология пространства дома в поэзии К.М. Симонова // Актуальные проблемы культуры, искусства и художественного образования. Сборник научных трудов ОГИИ. Выпуск 18. Оренбург: ОГИИ, 2015. С. 176–182.
24. *Коржова И.Н.* Монолог погибшего солдата как жанр сетевости // Актуальные

проблемы культуры, искусства и художественного образования. Сборник научных трудов ОГИИ. Выпуск 19. Оренбург: ОГИИ, 2016. С. 139–145.

25. *Коржова И.Н.* Стихотворение К.М. Симонова «Жди меня» в контексте цикла «С тобой и без тебя» // Филология: научные исследования. 2016. № 3 (23). С. 277–283. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,487)
26. *Коржова И.Н.* «Смерть и вода»: лермонтовский претекст стихотворения К.М. Симонова «Дожди» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1 (69). С. 23–26. (ВАК, ИФ РИНЦ 0,348)
27. *Коржова И.Н.* Перевод как завещание: стихотворение Р. Киплинга «Просьба» в переводе К. Симонова // Поволжский педагогический вестник. Самара: СГСПУ, 2018. Т. 6. № 4 (21). С. 111–117. (ИФ РИНЦ 0,5)
28. *Коржова И.Н.* Мифологема «смерть – воскресение» и художественное время в поэзии К.М. Симонова // Русская литература XX – XXI веков как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения). Материалы VI Международной научной конференции. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 221–226.
29. *Коржова И.Н.* Возвращение горсти земли: отражение и трансформация народного обычая в русской поэзии 1941-1945 гг. // Мир русскоговорящих стран. Ярославль, 2020. № 2 (4). С. 97–106. (ИФ РИНЦ 0,333)
30. *Коржова И.Н.* «Своя земля и в горсти мила»: об отражении одного обычая в поэзии военных лет // Русский язык и литература в славянском мире: история и современность. Материалы научно-практической конференции. М., 2020. С. 455–461.
31. *Коржова И.Н.* Художественная рецепция творчества С. Есенина в довоенной и военной поэзии К. Симонова // Современное есениноведение. 2020. № 4 (55). Рязань, 2020. С. 50–56. (ИФ РИНЦ 0,145)
32. *Коржова И.Н.* «Старины заветные преданья»: идея связи времен в русской поэзии 1941-1945 гг. // Литература о войне: эволюция смыслов и трансформация образов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 70–78.

33. *Коржова И.Н.* «Клочок земли»: пространственные атрибуты образа Родины в русской поэзии 1941-45 гг. // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Материалы VII Международной научной конференции. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 361–365.
34. *Коржова И.Н.* Традиции Н.С. Гумилева в поэзии К.М. Симонова: мотив пути // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («IV Смирновские чтения») [Электронный ресурс]: материалы научной конференции. М.: МГОУ, 2021. С. 96–104.
35. *Коржова И.Н.* Романтическая поэма как призма рецепции романа Н. Островского «Как закалялась сталь» в поэме К. Симонова «Победитель» // «Жанр романа: его прошлое, настоящее и будущее в русской литературе»: материалы Международной научной онлайн-конференции VII Юбилейные Соколовские научные чтения. М., 2021, С. 22–23.
36. *Коржова И.Н.* Художественный мир и поэтика К.М. Симонова – лирика // Роль бизнеса в трансформации общества – 2022: сборник материалов XVII Международного научного конгресса. М.: Синергия, 2022. С. 627–630.
37. *Коржова И.Н.* «Товарищ потомок»: К. Симонов и творческое наследие В. Маяковского // 1920-е и 2020-е: взгляд сквозь столетие. XXVI Шешуковские чтения: материалы международной научно-практической конференции. М.: МПГУ, 2022. С. 49–59.
38. *Коржова И.Н.* Поэзия Б.Л. Пастернака в творческом становлении К.М. Симонова (на материале довоенных поэм) // Словесное искусство Серебряного века и Русского Зарубежья: проблемы преемственности (V Смирновские чтения): материалы международной научной конференции. М., 2022. С. 174–184.